

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ

И

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО

ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ СТО ДВЕНАДЦАТЫЙ
(ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009 г.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ

И

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО

ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ СТО ДВЕНАДЦАТЫЙ
(ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

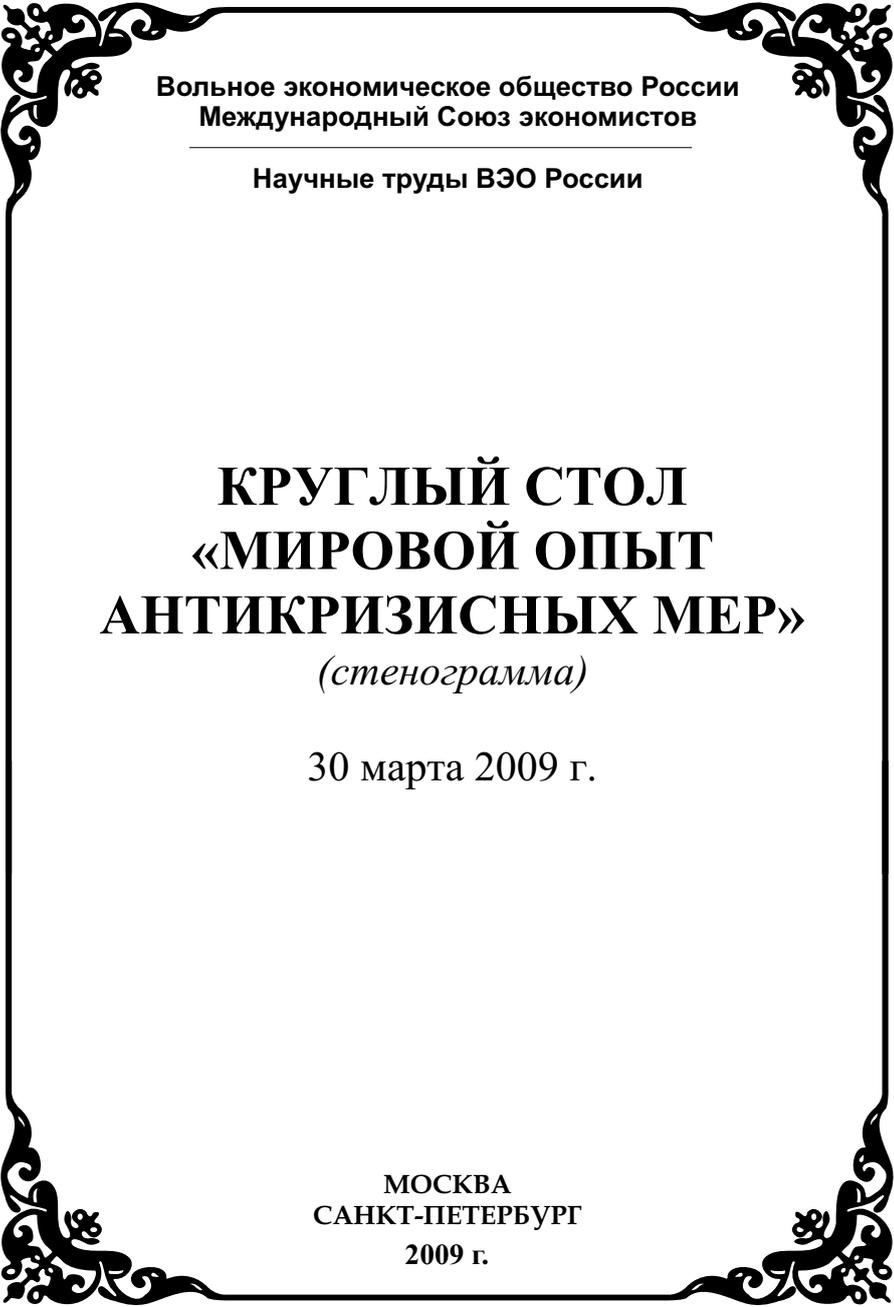
МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009 г.

ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ
с 1766 г.

Вольное экономическое общество России
Международный Союз экономистов

Научные труды ВЭО России

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«МИРОВОЙ ОПЫТ
АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР»**

(стенограмма)

30 марта 2009 г.

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009 г.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные Труды Вольного экономического общества России» включены в Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

© Вольное экономическое общество России, 2009

© Международный Союз экономистов, 2009

ISBN 978-5-94160-093-9

ISSN 2072-2060

СОДЕРЖАНИЕ

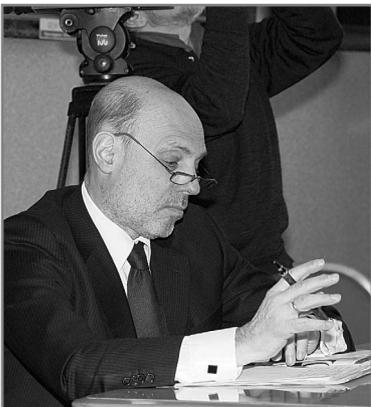
КРУГЛЫЙ СТОЛ

«МИРОВОЙ ОПЫТ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР»

30 марта 2009 г., Дом экономиста

(Стенограмма)

Г.Х. ПОПОВ (Вступительное слово)	9
Н.П. ШМЕЛЕВ	17
Е.М. ПРИМАКОВ	21
В.И. ЩЕРБАКОВ	26
Г.Б. КЛЕЙНЕР	31
К.Д. ПРУНСКЕНЕ	36
В.В. ИВАНТЕР	40
О.М. ПОПЦОВ	46
М.Г. ДЕЛЯГИН	52
С.А. СИТАРЯН	60
Г.А. ТОСУНЯН	63
А.С. ГОРЕЛИК	68
Д.Б. ЗИМИН	72
Ю.В. ЯКУТИН	74
В.М. ДАВЫДОВ	85
М.В. ФЕДОРОВ	90
А.А. ШУЛУС	93
А.А. НОВИКОВ	99
Г.Х. ПОПОВ (Заключительное слово)	103
В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ	112

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Г.Х. ПОПОВ,

Президент Международного Союза экономистов,

Президент ВЭО России, д.э.н., профессор

Уважаемые коллеги! После ряда индивидуальных бесед мы решили организовать эту нашу коллективную встречу.

Тема обмена мнениями – кризис 2008 года. Мы решили главным сделать мировой опыт антикризисных мер.

Почему мировой? Да потому, что кризис является мировым. Местнические подходы к нему приводят к полуанекдотическим результатам. Так, недавно один из видных деятелей регионального правительства сказал: у нас прекрасная антикризисная программа, но все зависит от того, какая будет ситуация к концу 2009 года в мире. Если все зависит от цен в мире, от мировых цен – то остается плестись в хвосте мирового кризиса.

Почему сейчас собрались? Да потому, что все антикризисные программы в мире уже приняты: и в США, и в Китае, и в ЕС, и у нас в России. С одной стороны, база для обсуждения есть. С другой – нельзя без комментариев принимать эти программы.

Благодарю всех за желание принять участие в этой узкой профессиональной встрече.

Здесь, за столом, собрались известные люди. Все они представляют уважаемые организации и занимают в них ответственные посты. Но тут, в Союзе экономистов, все мы – экономисты и представляем Ее Величество экономическую науку.

По сложившимся уже почти за 250 лет существования Вольного экономического общества традициям – портреты его руководителей на стенах вокруг нас – мы представляем тут все точки зрения. Но именно экономические. У нас не приняты и политизированные дискуссии. Не принято кого-то в чем-то обвинять. У нас принято не столько критиковать других, сколько излагать позитивную часть

своей позиции. Словом, тут не политический митинг, не дискуссионный клуб, а своего рода общий мозговой штурм.

Не стесняйтесь ссылаться на свои опубликованные работы – ведь время для выступления – всего 10 минут. Но зато будет предоставлено слово всем присутствующим.

Я хотел в своем вступительном слове тезисно обозначить четыре узловые темы нашей дискуссии:

- о причинах и характере мирового кризиса;
- о тех позитивных антикризисных мерах, которые заслуживают внимания;
- о внесистемной модели устройства экономики и жизни, которая бы устранила базу для катастрофических по характеру кризисов;
- о том, как России использовать возможности мирового кризиса.

1. Причины и сущность кризиса

Имеют основания соображения о таких причинах кризиса, как ситуация в мире и в отдельных странах; ошибки лидеров стран и бизнеса; внешние воздействия и т.д.

Имеют основания и соображения о неизбежности циклов в рыночной экономике – как спутнике ее свободы. Имеют основания и соображения о «длинных волнах» Кондратьева или о циклах климата Гумилева.

Но я хотел бы обратить внимание на следующие факторы, лежащие в основе кризиса.

1. Диспропорции между работниками в мире по уровню производительности их труда.
2. Диспропорции в уровне потребления на душу населения.
3. Диспропорции по масштабам накопленного богатства на душу населения.
4. Диспропорции в темпах роста населения, причем быстрее всех плодятся самые бедные.
5. Диспропорции в структуре населения: растет процент больших и процент пожилых.
6. Несоизмеримо высокая энергоемкость нынешней цивилизации.

7. Потребительство как главная черта цивилизации. Потребительство в экономике. В культуре. В образовании. В спорте. В интеллектуальной сфере.

8. Диспропорции идеологические, мировоззренческие: иудейско-христианские, буддийские, мусульманские.

9. Диспропорции природных богатств и границ государств.

10. Диспропорция внутри стран. В Китае – город и село. В России – устаревшая на 50–100 лет производственная база индустрии, отсталое сельское хозяйство, все еще непропорционально большой и тоже отсталый ВПК. В Америке – Северная и Южная части материка. И т.д.

Основная моя мысль: имеет место кризис современной цивилизации потребления, энергозатратной и антиинтеллектуальной.

2. Опыт антикризисных мер

Во-первых, надо выявить новое. Так, в борьбе с безработицей в США не просто организуются общественные работы, а создаются рабочие места на предприятиях, производящих солнечные батареи, то есть общественные работы ориентированы на будущее. В Германии имеет место не просто помощь потребителю, а при политике наиболее экологичных авто.

Во-вторых, особенность мер заботы о пострадавших и о бедных.

В-третьих, особенность мер по обузданию богатых, по наказаниям для них. Например, 90%-ный налог, введенный президентом Обамой на все бонусы, получаемые руководителями структур, получающих помощь государства.

В-четвертых, надо отметить и опасные тенденции. Увольнение гастарбайтеров. Изгнание гастарбайтеров из страны – это исключительно опасный для будущего процесс. Уйдут миллионы людей, которые унесут обиду на долгие годы. Перевод финансов за рубеж. Закрытие филиалов за рубежом. Призывы покупать «отечественное» и т.д.

3. О внесистемной модели мира без катастрофических кризисов

Пока мы не преодолеем основ нынешнего мироустройства – нам от перспективы кризисов не уйти.

На днях я прочел, что в Испании арестован и будет привлечен к суду 33-летний житель Каталонии Энрике Дурана. Он в 39 банках взял кредитов на полмиллиона евро и потратил их на издание своей газеты «Мы можем!» с пропагандой мер, которые они называют «антисистемными». Они обсуждают проект общественного устройства жизни без банков, с кооперативами, проект, как они говорят, постиндустриального общества. Пока что они призывают граждан взять все свои деньги из банков и не платить проценты по кредитам.

Если даже простые испанцы уже начинают понимать необходимость радикальных перемен, тем более это долг ответственных ученых-экономистов.

Мои подходы и представления по этой новой модели я изложил в «Московском комсомольце». Я думаю, желающие могут посмотреть, кому не довелось посмотреть.

Собственно, мои предложения сводятся к тому, что нужна совершенно новая экономическая система и новая политическая система.

Повторяться я здесь не буду, но хочу обратить внимание на следующее.

Мне нетрудно было это все предлагать, потому что все советское время меня учили, что будет Мировая советская республика. Мы в университете даже проводили диспут на эту тему, как она будет организована и как она могла бы выглядеть.

Меня упрекают: я хочу лишить Россию ее нынешних главных козырей: ракетно-ядерного и нефтегазового.

Это козыри. Я согласен. Но как их использовать?

Играть до проигрыша? До ситуации, когда у многих стран будут бомбы и ракеты? Когда спрос на углеводородное сырье упадет?

Ведь совершенно очевидно, что через несколько лет мы останемся без ракетно-ядерной монополии. Одна за другой страны лихорадочно создают бомбы и создают межконтинентальные ракеты. Значит все наше монопольное в этом отношении отпадет – козыря не будет.

Совершенно очевидно, что не пройдет и 5–10 лет, как мы лишимся и углеводородного козыря – мир быстро и решительно преодолевает и этот козырь.

Если мы и сейчас этими козырями эффективно не сыграем – мы ничего и не получим.

Я считаю, что козыри можно и нужно использовать иначе. В крупной игре.

Вспомним 1989 год. Козыри у нас были: соцлагерь и СССР.

Если бы в 1989 году отказались от соцлагеря и ГДР – получили бы не менее 500 миллиардов долларов: и сразу, и постепенно. И в натуре, и в виде заводов.

Если бы в 1989 году отказались от Прибалтики и трех кавказских республик – получили бы еще 500 миллиардов.

Испугались масштабной политики. Итог – нет ни соцлагеря, ни СССР. Нет денег. Нет даже тех 37 миллиардов из США, ради которых Б.Н. Ельцин предпочел ввести Е.Т. Гайдара вместо меня в правительство.

Сейчас надо бросать козыри – и ракетно-ядерные, и сырьевые – в крупную игру. Сегодня мы под эти козыри выиграем солидные доли в общем пироге нового мироустройства. Иначе завтра будем в роли, похожей на роль министра Козырева после 1991 года, роль приживалки в барском доме.

Скажем прямо – не получился мир «мирового СССР». Не получился мир «США – СССР». Зачем ждать мира «США – Китай», в котором мы будем шестерками? Лучше предложить и начать строить устраивающий нас мировой дом.

Национальный интерес России действовать по-крупному, масштабно, немедленно. Это значит попытаться устроить тот новый мир так, чтобы по максимуму получить выгоды от этого устройства, грубо говоря, получить большие квоты в этом новом мире везде, где только можно. Сейчас с этими козырями мы эти квоты можем получить.

Кстати, если США подумают, то и им выгодно начать устройство нового мира сейчас: тоже ввиду очевидных перспектив получить весомые «квоты» в новом сообществе.

4. Уроки для России

Четвертой областью нашей дискуссии должны стать уроки для России.

Кризис 1929 года позволил Сталину провести индустриализацию страны, закупая по дешевке, а часто и в кредит лучшие в мире заводы – особенно в США и в Германии.

Ни рубля не было истрчено на поддержку существовавших в СССР старых заводов с их техникой вчерашнего дня. Условно говоря, ни рубля не получили, говоря сегодняшним языком, ни ВАЗ, так и не наладивший современное производство советских авто, ни те, кто уже два десятилетия не может дать соответствующие мировым стандартам пассажирские авиалайнеры. Если в 30-е годы строили на старых заводах, то – с особым бюджетом, отдельным хозрасчетом, чтобы ни один рубль из области инноваций не попал на ремонт обреченного.

Подход Сталина был жесток и беспощаден. Вспомним трудящихся, посаженных на норму потребления по карточкам и, как Остап Бендер в «Золотом теленке», читающих объявления в магазинах: «Штанов нет».

Чудовищная коллективизация разорила российское крестьянство, но дала Сталину какой-то экспорт продовольствия и валюту.

На аукционах Европы и Америки выставили сокровища музеев страны.

Но деньги были собраны. И брошены на закупку всего лучшего, что готов был продавать Запад.

И сегодня мировой кризис дает нам возможность радикально обновить всю нашу устаревшую на полвека и на век техническую базу и выйти на мировой уровень производительности труда.

Мировой кризис позволяет освободиться от того, что висит камнем на шее нашей экономики. Освободиться и от тех, кто около этого камня греется.

О двух главных козырях – ракетно-ядерном и углеводородно-сырьевом – я уже говорил. Еще есть козыри. Первый – накопленные золотые резервы в результате уникальной ситуации с ценами на нефть и газ. Второй – состояние народа. Третий – власть.

Сначала о резервах. Они быстро тают. Но пока что это – резерв.

О массах. Я не раз говорил, что платить за кризис должны богатые. Но платить должны все. Ведь это массы избирали Ельцина и его бюрократов и олигархов. Ведь это массы голосовали за нынешнюю номенклатуру. Дело не в наказании масс – просто без их жертв нельзя выскочить из отсталости.

Надо поддержать социально слабые слои. Ввести карточки с гарантированными нормами снабжения по стандартно низким ценам.

А остальные деньги из социалки направить на закупку заводов, нанотехнологий, на оснащение лабораторий НИИ, вузов. Пусть будет 20 НИИ – но с такими базами, о которых мечтают ученые. Пусть будет 100 вузов, но опять-таки на высшем уровне оснащения. Зарплата ученых – но именно тех, кто доказал, что он ученый, – должна быть самой высокой в мире.

Цены сегодня низкие не только на нефть или в строительстве. Они упали и на электронику, и на нанотехнологии. Надо этот шанс использовать. Другого не будет.

Теперь о власти. Я не раз говорил о недостатках именно квазидемократической власти. Теперь пора использовать возможности этой беды.

На Западе лидеры и партии реально зависят от голосований. Им надо подкупать избирателей, чтобы отвоевать себе голоса.

У нас нет настоящих партий. Нет профсоюзов. Нет независимого бизнеса. Пассивна основная масса народа.

Власть поэтому может не подкупать, а давить. Ради будущего. Два оставшихся года и шесть лет следующего президентства – срок вполне достаточный.

В конце своего вступительного слова я хотел бы обозначить две главные опасности и для экономической теории, и для хозяйственной практики.

Первую я бы назвал опасностью «наступать на старые грабли» и набивать старые шишки. Говоря кратко – продолжать делать то, что, собственно, и привело к кризису.

Вторую я бы назвал опасностью реставрации государственно-бюрократического социализма. Образно говоря: извлечение из

старых сундуков, без критики, траченных молью теорий и опыта. Позитивное из прошлого надо обязательно брать. Но нельзя пытаться снова надевать давно уже распавшуюся старую шинель – это в конце концов понял даже гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин. Надо идти вперед. По-гегелевски – ассимилируя все позитивное из отрицаемого.

Предлагаю начать дискуссию.

И первым я хотел бы предоставить слово Николаю Петровичу Шмелеву. Я не буду представлять выступающих – мы все здесь хорошо друг друга знаем, тем более что мы здесь выступаем не как представители тех или иных структур, а в личном качестве как ученые.

Н.П. ШМЕЛЕВ,

директор Института Европы РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Гавриил Харитонович, видимо, намеревался дать общую картину ситуации, и надо сказать, что это у него получилось. Но, естественно, и он сам не ожидает, что по всем пунктам с ним согласятся, да это и не надо пока – слишком много неясного в ситуации. Я вот тут хотел бы отметить четыре пункта, по которым у меня есть соображения, которые могут не всем понравиться. Ну, то, что в кредитно-финансовой системе делается, в общем-то, мы тут не оригинальны – мы делаем все, что делает мир, или почти все, и в общем-то, это правильно. Но какие-то вещи наши специфические – я лично бы с ними не согласился. Ну, например, мне не нравится предоставление государственных кредитов банкам и другим институтам на беззалоговой основе, то есть даром. Может быть, это все-таки можно как-то повесить на следующие 10–20 лет, чтобы деньги налогоплательщиков, ну где по безусловно нужным, а где и по сомнительным направлениям, не тратить. Все-таки какое-то чувство справедливости надо бы здесь сохранять – не те это монстры, чтобы их какой-нибудь несчастный российский пенсионер спасал, только он.

Второй момент. А может быть, можно использовать эту ситуацию нынешнюю, чтобы компенсировать ту, в общем, варварскую операцию, которую проделали в середине 1990-х годов с этими самыми залоговыми аукционами, когда государство клало деньги в банк, банк давал обратно государству 100 рублей, а под залог брал Норильский комбинат. Может быть, можно попробовать сделать теперь наоборот. За те же 100 рублей выкупить Норильский комбинат назад, потом его немножко подтянуть и продать уже за серьезные деньги, а не за эти воровские, за которые это было продано. У меня последние лет 15 эта цифра перед глазами стоит, что Россия получила за приватизацию всех активов, каких могла, в сумме 9 млрд долларов. Несчастливая Боливия за это же время за национализацию государственных активов получила 90 млрд дол-

ларов. Ну, трудно что-то объяснять, и поэтому, может быть, можно было бы попробовать восстановить некоторую справедливость. Ну и, мне кажется, сейчас время – это я внимательно изучал документ, который распространило правительство, – ну хватит, собственно, мы единственные в мире, кто сохраняет плоскую шкалу налогов. Ну, хватит. Ну, всем уже дали подкормиться, ну уже пора хоть немножко о державе-то подумать. Я не за то, чтобы 13% отменять, я за то, чтобы дальше было хотя бы что-то похожее на американскую, европейскую шкалу налогов. Это опять-таки не то, чем нужно гордиться. Это в финансовой сфере. В сфере промышленной политики. Гавриил Харитонович, ну никак не могу согласиться с тем, чтобы о базовых старых традиционных отраслях можно забыть – и давай-давай-давай все новое строй. Ну, во второй раз мы построим Эйфелеву башню, которая будет стоять на болоте, а этих четырех опор иметь не будет. Мы с вами уложим и вообще уже уложили и текстиль, и почти всю пищевую промышленность. Вам не жалко автомобили, а мне жалко – там полмиллиона людей занято и т.д. Все-таки должна быть какая-то стратегия, чтобы старые базовые отрасли, которыми на самом деле живет народ, жили. Вообще надо менталитет в стране менять, избавиться от презрения к быдлу, ко всей этой шушере – малому бизнесу. Дескать, ничего, стерпит, уже не раз терпел, стерпит и дальше. Я помню свою дискуссию с Евгением Григорьевичем Ясиным, когда он вдруг вздумал обложить челноков таможенным налогом. Ну что ж ты делаешь? У тебя 10 млн человек, а с семьями 30 млн человек: за плечи мешок – и в Китай тапочки покупать. И они себя кормят, и весь этот блок – пятая часть страны кормится, даже не думая о том, кто там в Кремле сидит и что они там делают вообще. Ну, этот подход, когда всю мелочь, все старье, всю эту шушеру давай сбрасывай, давай нанотехнологию... Ну, кто ж спорит – да, надо нанотехнологию. Но вытащит ли это? Я уж не говорю о том, что мы даже себе не представляем специализации страны, какая в будущем должна быть в высокотехнологичных областях. Явно, что мы уже теперь несколько поколений не сможем охватить все, после того, что сделали с наукой, с образованием, со всем прочим. Надо на чем-то специализироваться, технический прогресс стимулировать в огра-

ниченном наборе отраслей. А о старом потенциале, в котором средний возраст оборудования 25–30 лет сейчас, тоже надо думать. Явно еще 5–10 лет – и можно закрывать все, все, что раньше накопили за несколько поколений, за десятилетия. Но может быть, как-то тряхнемся, начнем и это как-то подтягивать. Ведь вот клянутся: «Да, нанотехнологии, новое оборудование, новые отрасли – туда...» Но хоть кто-нибудь ответил на вопрос: как? Куда идти, я знаю тоже и все знают, куда идти. А как это сделать, чтобы экономика была заинтересована в том, чтобы не из-под палки нанотехнологию делали, а чтобы она из себя это делала. Сама по своему интересу. Нет такого механизма. Абсолютно никто не заинтересован (кроме палочной дисциплины), чтобы куда-то двигаться вперед – все и так, кому надо, свой кусок хлеба имеют. Ну и тут еще пара моментов. Мне кажется... Может быть, это не вопрос сегодняшнего дня... Нет, именно сегодняшнего – это перспективы. Ну как мы проблему и естественных, и неестественных, и частных, и государственных монополий все время куда-то под кровать заматаем, заматаем, чтобы не видно было. Что, нет этой проблемы? Мы когда-нибудь сможем сделать что-то похожее, что американцы сто лет назад законом Шермана сделали? Когда они «Стандарт Ойл» разрубили на пять или на шесть компаний и с тех пор больше не позволяют этому монстру возрождаться в прежнем виде. У нас с вами степень монополизации экономики невероятная. И когда начинают: «инфляция, инфляция, инфляция, монетаризм», печатают деньги. Ну да, печатают деньги. Вот жаль, Василия Михайловича Симчеры нет – он тут раздал на прошлом заседании свои расчеты. У него просто: немонетарные факторы инфляции где? Сговор в первую очередь или заговор – как хотите называйте. Это, по его расчетам, около половины инфляционного повышения цен каждый раз. Может быть, все-таки начнем бороться с монополизмом? Ну есть там несколько строчек в программе насчет того, что монополиям надо переделы тарифов поставить. Но саму проблему монополизации... А при тех уровнях – и это я уже не один раз повторяю, говорил, – при том уровне сверхприбыльности, которые имеют у нас монополии, на кой черт им ваша нанотехнология? Она им и не нужна. 500–600% годовой прибыли – это гарантия то-

го, что ничего не надо, никуда двигаться не надо. Уж не надо вспоминать о тех 5–15%, на которые живет весь мир. Ну и, наконец, последний момент. Знаете, по-моему, новая ситуация делает оправданным скепсис тех, кто все время с огромной боязнью, страхом и скепсисом смотрел на эти наши потуги присоединиться к Всемирной торговой организации – к ВТО. Ну так вроде бы размышления на этот счет красиво звучат, но силенок-то нет на это присоединение. Ведь это их оценки, не наши, что если откроем по их требованиям все двери, то 90% нашей обрабатывающей промышленности ляжет – все. И никакого авиастроения, судостроения, автостроения, энергомашиностроения – ничего этого не будет, это в течение пяти лет ляжет. Чем мы с вами жить собираемся? А сельское хозяйство? Я не аграрник. Я могу только со слезами смотреть, что здесь происходит. Но ведь тоже надо как-то думать о какой-то защите. Если от нас требуют ограничить одним миллиардом долларов в год субсидии сельскому хозяйству – дескать, и это слишком много. Ну, сукины дети, ведь, если посчитать, Америка и Европа – у них один миллиард в день субсидии сельскому хозяйству. Только благодаря этому они могли подняться. Так что я бы здесь голосовал за здоровый национализм и протекционизм, скажем, в пределах лет десяти. Все-таки китайцы ведь какую стратегию выработали? Сначала экспортное наступление и импорт капитала, потом, когда уж деваться некуда, – всю Америку заполонили товаром, а к себе не пускают, ну лет пятнадцать разговаривали о том, чтобы присоединиться к ВТО. Компромисс и с той и с другой стороны – внутренний американский рынок ширпотреба и всего прочего за Китаем, Китай за это немножко пустит во внутреннюю свою экономику чужой товар, но еще больше чужие деньги. Но пятнадцать лет ведь разговаривали. Нам-то, кроме нефти, газа, нечем выбиться на мировой рынок. Но если высокая технология всего полпроцента имеет, а традиционный рыбий зуб, сало, ворвань, пеньку никому не нужно, может быть, хоть подготовиться к такому открытию дверей, за которое у нас значительная часть нашего экспертного сообщества выступает и сейчас. Спасибо.

Е.М. ПРИМАКОВ,

*президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации,
академик РАН, д.э.н., профессор*

Триединая формула, которая определяет три взаимосвязанных задачи для России, при выходе из кризиса. Хочу подчеркнуть, что это очень зависимые друг от друга задачи. Поэтому я говорю о триединой формуле. Первая – минимизировать потери неизбежные от кризиса, которые скажутся в социально-экономической области. Вторая задача – это найти точки роста, оптимальные пути к тому, чтобы поднять экономику. И третья задача – это создать новую экономическую модель, базирующуюся на инновациях.

Нужно обратить внимание, что в программе, которую сейчас передали уже в Госдуму, впервые говорится о специфике российского кризиса. Раньше мы говорили просто, что волны, идущие от Соединенных Штатов, нас захлестнули. А сейчас говорится, что докризисное развитие породило целый ряд диспропорций. Но это прямо не связывается с политикой, проводимой в докризисный период нашими финансистами, – надо было бы сказать об этом. Одновременно впервые говорится о новой модели, на которую должна Россия выйти в посткризисный период. Но если мы должны выйти в посткризисный период на новую модель, то это означает, что эту модель мы должны создавать уже сейчас, в период кризиса.

Для этого необходимо если не ликвидировать, то смягчить обротовавшиеся еще до кризиса диспропорции.

40% валового внутреннего продукта составляет экспорт сырья. Это предопределяет сырьевой характер экономики. Чуть-чуть отвлекись. Некоторые считают: надо сейчас взять китайский опыт и сделать акцент на том, чтобы максимально увеличить платежеспособность населения. Почему Китай идет на это? Потому что Китай выпускает и экспортирует готовую продукцию, которой заполонил весь мир. Когда спрос на эту продукцию резко за рубежом упал, они хотят ее пустить на внутренний рынок. А что мы можем сде-

лять, если поступим, как китайцы? Этот огромный поток экспортируемого сырья, на который спрос падает и цена падает, развернем на внутренний рынок? А на внутреннем рынке у нас дифференциация не произошла, деструктуризация не произошла. Где там будут потреблять это сырье? Поэтому нам не надо идти по тому пути, по которому пошел Китай. Акцент на рост платежеспособности населения приведет лишь к росту импорта. В этом ущербность докризисного развития России. Следовательно, нужно сделать акцент на деструктуризацию экономики.

Наряду с диспропорцией, которая проявилась в структуре валового внутреннего продукта, нужно назвать и другую: мы 90 млрд долларов заплатили внешнего долга – очень хорошо, что мы заплатили – советского и российского, а в это время приобрели 500 с лишним миллиардов корпоративного зарубежного долга, который нужно сейчас погашать. Как его погашать – это вопрос очень важный. Потому что сейчас склоняются, и правильно склоняются, к тому, что, во-первых, надо, чтобы платили в первую очередь сами крупные предприятия, которые задолжали. Пускай они расплачиваются сами. Мы уже привыкли к тому, что, как только им нужны средства, идут с протянутой рукой в правительство, а в это время значительная часть огромных прибылей превращается в вознаграждение топ-менеджеров, идет на строительство шикарных зданий и т.д. Во многих странах сейчас вводятся наблюдательные советы в тех компаниях, кому государство дает средства для погашения долгов. Это нужно нам продумывать тоже. Но если действительно крупное предприятие не может погасить весь долг, то надо смотреть, какую часть долга оно может погасить за счет продажи активов, даже иностранцам, – ничего страшного нет. Я не говорю о стратегических предприятиях. Стратегические предприятия – там государство должно взять за погашение долга активы предприятия и через какой-то период их приватизировать.

Теперь монополизация, ужасная монополизация. Если мы хотим решить задачу строительства новой модели экономики, нам, безусловно, надо подумать, как ликвидировать этот огромный «флюс». В борьбе с монополизацией рынков дело не ограничивается недопущением сговоров по ценам. Главное в том, что сверх-

прибыль получается монополистами за счет вытеснения конкурентов – вообще убираются конкуренты – путем захватов, путем разных методов. С этим нужно решительно кончать. И нужен такой механизм, который позволит государству значительную часть сверхприбыли забирать. В правительстве 1998 года мы впервые пришли к необходимости экспортной пошлины на нефть. Была установлена корреляция между размером этой пошлины на экспорт и мировыми ценами на нефть. При увеличении мировых цен она повышалась, при понижении понижалась и т.д. Но это только сохранилось в отношении нефти, больше ничего. А строительство? А другие наши производства, которые дают огромнейшие сверхприбыли. По жилищному строительству в Москве, например, в 10 раз прибыль превышает себестоимость.

Кризис этот показал, что главным источником финансирования нашей экономики перестают быть внешние источники, и это уже насовсем. Я подчеркиваю – главным источником. Потому что я отнюдь не выступаю за то, чтобы прекратить займы вообще за рубежом. Но главный источник должен быть внутренний. Для этого нужно создавать условия, кредитно-банковскую систему соответствующую. Поэтому, когда дали сначала значительные суммы кредитно-банковской системе, это было правильно. Но плохо было, что не учли, что не совпадают интересы нашей банковской системы с интересами реального сектора экономики. И банки ради увеличения своей ликвидности, ради усиления своей устойчивости полученные средства пустили не в виде кредитов в реальный сектор. В то же время руководство не осознало и не использовало тот факт, что в операциях с теми суммами, которые поступают из бюджета, банки перестают быть коммерческими, а становятся агентами правительства. Положение должно быть выправлено за счет усиления контроля за расходованием банками полученных от государства средств.

И самое главное, как мне представляется. Антикризисные меры, которые осуществляются, к инновационному преобразованию экономики непосредственно не имеют никакого отношения или имеют малое отношение. В чем это проявляется? Например, 295 предприятий выделили. Но одним из критериев выделения этих

предприятий должно быть, безусловно, наукоемкое производство, а такого критерия нет. Градообразующее – очень хорошо. Создающее определенное направление в отраслях – очень хорошо. Но в то же самое время наукоемкость – нужно было подчеркнуть. Наука. Соединенные Штаты, например, – мы часто оперируем этими примерами, – увеличили на 3,2% финансирование науки за счет бюджета. А представляете, что такое для Соединенных Штатов 3,2% бюджета? Это огромная сумма.

Теперь по поводу того, что говорил мой друг, Гавриил Харитонович. Я с ним категорически не согласен. Я читал вашу статью в «Московском комсомольце» внимательно очень. Во-первых, это противоречивость у вас полная там. С одной стороны, вы говорите о том, что нужно создавать чуть ли не мировое правительство, потому что все те меры, которые вы предлагаете, без мирового правительства просто неосуществимы. А с другой стороны, вы говорите, что нужно укреплять нашу страну путем чуть ли не сталинских методов, которые были использованы во время Сталина. Зажимать народ, хотя мы уже достаточно зажаты были многие годы и в материальном плане, и в духовном и т.д. Я думаю, что это не выход из ситуации. В долговременном плане, очень долговременном, может быть, через сто лет, будет тяга к созданию единого правительства, но это не задача XXI века. Да те же Соединенные Штаты... Посмотрите, как они борются за то, чтобы сейчас сохранить доллар в качестве единственной резервной валюты. Что, они отдадут это все и будут смотреть на то, как у них все отберут? Или другие? Или Европа? Это все очень несбыточно и абсолютно неактуально.

Еще один вопрос. Конечно, у нас очень большой разброс в стране получился между бедными и богатыми. И здесь, конечно же, надо думать о том, как перераспределять доходы. Это вопрос и политической стабильности. Я тоже выступаю, как и академик Шмелев, за то, чтобы отказаться у нас от плоского подоходного налога. Кстати говоря, в 1998 году у нас вилка начиналась с 12% – это ниже, чем нынешние 13%. Определенное число людей вообще было освобождено от налогообложения. А прогрессия заканчивалась – 20%. Я уверен, что, когда нам говорит наш министр финан-

сов, что отказываться от плоского подоходного налога нельзя, потому что крупные налогоплательщики уйдут в тень, – я уверен, что из-за 20% никто не уйдет в тень.

Но не только эти средства существуют, а и многие другие. Бедная часть населения должна иметь преференции, привилегии от государства.

Вы, Гавриил Харитонович, говорите о том, что нам нужны только техника и технология, которые ввозятся из-за границы, а у нас все прогнило в промышленности... Несмотря на то, что такие факты действительно имеют место быть, я скажу, что далеко не всюду. А вот разобраться с проблемой посредников, дилеров, которые делают наш капитализм уродливым, необходимо. Потому что эти дилеры и посредники увеличивают цены в два раза подчас, потому что они руководят теми, кто производит. Не потребитель непосредственно, а дилеры и посредники.

В.И. ЩЕРБАКОВ,

*президент ООО «Международный фонд частных инвестиций»,
председатель совета директоров группы компаний «Автотор»,
академик РАЕН, д.э.н., профессор*

Самый глубокий кризис оказался в России. Ну по крайней мере один из самых глубоких. Потому что то, что показывается сегодня по статистике, подпадает под формулировку «Есть ложь, есть наглая ложь, а есть – статистика». По крайней мере поездки по странам и разговоры показывают картину совершенно разную.

Первый вопрос понятен. Очень высокая привязка экономики к внешнему рынку, и прежде всего товарно-сырьевому. Она всю жизнь была такая. Я думаю, что, пока мы не признаем грубых тяжелых ошибок, неудач последних лет – можно спорить, с какого года начинать отсчет, не имеет значения, ну по крайней мере последних двадцати лет точно, – мы не найдем ответа на вопрос, что же делать дальше.

Мы очень гордимся тем, что у нас накопленные резервы. Правильно – хорошее дело. За исключением одного. За это время путем накопления резервов угробили остатки промышленности, потому что, если у нас всегда по гражданским отраслям было отставание промышленности в районе 15–20 лет – по гражданским отраслям, подчеркиваю, – то сейчас оно просто усугубилось. Последние годы все активно перевооружались. Например, если взять автомобильную промышленность, машиностроение, то, честно говоря, в Европе, да и в мире я не знаю практически ни одного завода, который бы за последние пятнадцать лет полностью не перевооружился и не перешел на радикально другую технологию сварки, окраски и даже сборки, хотя там поменять что-то довольно сложно (все уже давно ушли от этих умных идей «роботизированных сборок» и т.д.) Но тем не менее кое-какие процессы меняются. У нас же в этом отношении не сделали ничего, поэтому наша структура производительных сил стала еще хуже отвечать рыночной экономике, чем советская. Потому что если советская модель соответствовала хотя бы по уровню развития, но не соответствовала по струк-

туре, то сегодняшняя – ни по тому, ни по другому. Мы не способны сегодня поставить на рынок в гражданских отраслях практически ни один продукт не товарно-сырьевой группы, конкурентоспособный на этом рынке, – ни обувь, ни одежду, ни даже пищевые продукты. Я уже не говорю о машиностроении и подобной перерабатывающей промышленности. Это стало следствием главным образом полного отсутствия всякой промышленной политики. Что мы делаем сегодня? Первое: мы всячески поддерживаем население, что, наверное, с социальной точки зрения, во многих случаях очень оправдано и просто по-человечески иначе невозможно, когда это касается стариков, инвалидов, детей, многодетных семей. Но, к сожалению, это движение приняло явно массовый характер, абсолютно ничем не оправданный. Второе: ни в одной области, ни в одной сфере наш аппарат – ни производственный, ни инженерный, ни административный – не становится эффективным. Но, самое главное, он становится дороже – он размножается количественно и становится дороже по уровню. В результате мы ускоренно лишаем себя одного из важнейших козырей развивающихся стран – дешевой рабочей силы. Сегодня разницы между Восточной Европой и, скажем, центральной частью России в стоимости рабочей силы практически нет. Мы работаем в Калининграде. Там сегодня разница между Польшей, Литвой, Калининградом по содержанию рабочей силы практически не чувствуется. Это означает, что нет никакого смысла переносить к нам какое-либо производство.

По второй части я абсолютно поддерживаю то, что было сказано здесь всеми и в том числе Евгением Максимовичем, особенно по антимонопольной политике. Я даже не знаю, как это назвать. Какой-то странный рынок мы строим. Если все строят рынок, где полно продавцов и мало покупателей, то мы строим рынок, где один продавец, а все остальные – покупатели. Такой интересный рынок. Ну, например, рынок перевозок. Знаете, как сейчас провели приватизацию и специализацию железнодорожного транспорта? – Создали одну компанию по перевозке автомобилей, одну компанию грузовых вагонов, одну компанию полувагонов, одну цистерн и т.д., и т.д. Так что куда хочешь иди, но за вагонами пойдешь к этой компании. Точно так же обстоят дела и с покупкой электроэнергии, газа и т.д. Выбор-то якобы у нас существует, но только –

на колонке. И вот это очень характеризует всю нашу экономику: создается впечатление, что у тебя есть выбор мест, где ты можешь купить бензин, – колонок-то множество. Да, но только они принадлежат одному и тому же. Поэтому бессмысленно ездить между этими колонками. Вот это то, что у нас происходит в промышленности в сфере монополизации. В таких условиях выходить из кризиса просто невозможно. А дальше – всякие умные идеи, они абсолютно правильные, никто с ними даже спорить не пытается, но только толку от этого абсолютно ноль. Например, говорят: «Надо выйти из кризиса абсолютно обновленными». А кто спорит? Только давайте решим – на чем? На нанотехнологиях? Ну, тогда покажите хоть один продукт, сделанный по нанотехнологиям, хотя бы один. Дальше – кто этот продукт сделает? Нам говорят: мы создаем институты, как на Западе. Например, венчурные фонды. Создали. Накачали туда средства по полной программе – миллиардов сто, по-моему. Эти сто миллиардов тут же оказались на депозитах – вот и результат.

Я думаю, что при анализе, при разработке программы правительство сделало несколько серьезных ошибок, которые основаны в том числе и на непризнании своих же собственных ошибок, допущенных в предыдущие годы. Может быть, потому, что они сделаны тем же составом – на протяжении последних восьми лет им очень трудно их признать. Ну, например, как может признать свои ошибки в области промышленности руководство Минпромторга? За восемь лет глубина переработки нефти у нас упала с 58% до 54%. Резонно было бы поставить вопрос: «А что, собственно, происходит за время такого руководства?» Вместо этого те же люди продолжают руководить: им поручают разрабатывать концепции, и они их пекут, как пирожки. И таких примеров можно привести массу. Поэтому мне кажется, что у нас так: изображаем все правильно, слова правильные употребляем, только расставляем их неверно и неверно оцениваем ситуацию.

Вопрос № 1: первое действие правительства – срочно повторить действия США и раздать деньги, якобы для укрепления финансовых институтов. Что, финансовые институты укрепились? Какие? Те, которые принадлежали государству? Так они и так были креп-

кими. Второе. Разве вопрос у нас заключался в отсутствии ликвидности? Все почему-то решили, что у нас низка ликвидность, и поэтому давай быстро наполнять. Я понимаю: это самый легкий способ «увести» деньги из бюджета, что, собственно, и сделано во многих случаях, но не в этом вопрос. Вопрос заключается в том, что не в ликвидности дело, а в потере доверия. А потеря доверия решается не деньгами. Есть миллионы других инструментов, которые до сих пор никто не задействовал, – скажем, те же госгарантии. Правильно, я абсолютно согласен с Николаем Петровичем Шмелевым. А собственно, что нам мешает сейчас (я не говорю о деприватизации, национализации и т.д.) совместить эти процессы с более эффективным перераспределением собственности? Я не говорю о национализации, подчеркиваю, или деприватизации. И даже не связываю это с теми, кто ухитрился в свое время взять за бесценок собственность. Ну, ухитрился и ухитрился – такие были законы. Я говорю сейчас о другом. Правительство в первую очередь бросилось спасать не производство, не производителей, не экономику – оно бросилось спасать собственников. Оно стало давать деньги тем, кто заложил свои акции в западных банках. Что это означает? Это означает, что мы западников всех своими деньгами из-под собственных проблем вывели, то есть в точности повторили 1998 год – нам давали кредиты, мы эти кредиты возвращали иностранцам в виде возврата вложенных инвестиций. Сейчас мы делаем со своим Стабилизационным фондом и Резервным фондом абсолютно то же самое. Средства мы использовали на то, чтобы наши ребята из залога перевели в другой залог свои акции. Это помогло Норильску или алюминиевым заводам? Да никак. Это помогло ряду олигархов, а заводам это никак не помогло. Я абсолютно поддерживаю идею Евгения Максимовича о том, что сегодня повторяют этот путь – неважно, немецкий или китайский, т.е. стимулировать потребителя – и здесь, Гавриил Харитонович, я тоже не разделяю вашу точку зрения, – бессмысленная задача. Это просто «проедание», и больше ничего. Потому как: что стимулировать потребителя – потреблять-то нечего; он может потреблять только импорт, больше ему потреблять нечего на этом рынке, а все остальное – это просто бесплатная «кормежка». Как поднятие по-

собия по безработице: вместо того чтобы дать работу, ты поднимаешь пособие по безработице.

Я думаю, что эти действия достаточно плохо осмыслены и сейчас носят такой «шапкозакидательский» характер. Потому что вместо серьезного разбора, который, может быть, несколько человек хотят сделать для понимания, остальные начинают поддакивать. Я уже не говорю про всякие политические шоу вокруг этого. А на самом-то деле – программы нет. Прошло полгода. Назовите предприятие, у которого появилась за полгода хоть какая-то перспектива выхода из кризиса; назовите отрасль; назовите область, регион... Нет, ну – страну, которая увидела конец или свет в конце туннеля по крайней мере, – это еще можно. А здесь, понимаете, я вижу пока набор действий, теоретически умно выстроенных – нельзя это отрицать, – которые не являются целенаправленными, подчеркиваю, направленными на одну цель. Пока это идет, как у нас в советское время, перестройка – сразу по всем направлениям, все одновременно: и дороги надо строить, и старикам помогать, и химию поднимать, и отдельные заводы вытаскивать, и национальные программы реализовывать, и рождаемость поднимать. И все это до кучи сваливается и называется – «Меры по выходу из кризиса». Я сомневаюсь, что такими мерами вообще можно из чего-то выйти. Можно бултыхаться и менее быстро тонуть, но выходить такими мерами из кризиса невозможно. Наверное, где-то можно не согласиться с тем, что сказал Гавриил Харитонович про восемь лет товарища Сталина, но смысл его высказывания я целиком поддерживаю: эти восемь лет были потрачены под одну ясную и понятную цель – построить свою промышленность. И под нее все было сделано. Сегодня я такой цели просто не вижу. Где она? Кто бы назвал ее, хоть на высоком уровне, хоть на низком: в чем цель, где базис и где рычаги вывода страны из кризиса? Я вижу набор мелких или крупных мер, направленных на что угодно, но не вижу пока целеполагания в этом деле, а потому – особых перспектив, к сожалению, не усматриваю. Извините за длинное выступление.

Г.Б. КЛЕЙНЕР,

заместитель директора по научной работе

Центрального экономико-математического института РАН,

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Я хотел бы начать с тех явлений, о которых говорил Г.Х. Попов как о причинах кризиса, – о диспропорциях. Называлось множество различных диспропорций, которые действительно имели место. Среди них, однако, значительная часть экспертов выделяет один обобщенный вид диспропорций как основной причины кризиса – диспропорцию между реальным и виртуальным секторами экономики. С этого явления начался кризис в Соединенных Штатах, что привело к искажению оценок виртуальных и реальных активов и со стороны общества, и со стороны экспертов, и со стороны покупателей и продавцов во всем мире. Деформация оценок тех или иных ценностей, относящихся либо к виртуальному, либо к реальному миру экономики, и привела, собственно говоря, к сбою всей мировой экономической системы. Но зададим себе вопрос: в какой части экономики локализован источник этих диспропорций? Где же соединяются все-таки «небо» и «земля», виртуальное и реальное в экономике? Ответ находится легко: соединяются они на уровне корпоративного управления, в корпорациях, которые, с одной стороны, производят и выпускают реальные товары, а с другой – эмитируют различные ценные бумаги. Тем самым корпорации, образно говоря, стоят ногами на земле реальной экономики, а с другой – упираются головой в виртуальное экономическое небо. Среди участников деятельности корпораций есть, таким образом, и собственники этих акций, люди фондового рынка, и люди производства, владельцы своих трудовых вкладов. Если между этими инвесторами – финансовыми и трудовыми – не налажено правильное взаимодействие, то абберрация оценок в обществе в целом неизбежна. Ведь если собственники неправильно оценивают собственные акции, то и акции других собственников будут оценены неадекватно. Если собственники, менеджеры и работники по-

разному оценивают свои вклады, обладают асимметричной информацией и не имеют каналов взаимной корректировки информации о них, то адекватная оценка виртуальных и не виртуальных ценностей невозможна. Отсюда идет многоходовый обман общества со стороны корпораций и, наоборот, обман корпораций со стороны общества.

И вот если мы сакцентрируем внимание на этом обстоятельстве, то мы увидим, что непосредственной причиной кризиса (я понимаю слово «кризис» в том смысле, в котором понимал его Рене Жиран: кризис – это «война всех против всех», это не просто доминирование одних – неблагоприятных – факторов над другими, а ситуация, когда все факторы находятся в противоречии друг с другом) является положение дел на низовом уровне – на уровне корпоративного управления. Мировому кризису 2008 года предшествовал кризис корпоративного управления начала 2000-х годов. Известные фирмы Enron, WorldCom, Parmalat и др. по разным причинам продемонстрировали одно и то же – неэффективность современной корпорации как института, где работники (владельцы трудовых вкладов), менеджеры (владельцы властных вкладов) и собственники (владельцы финансовых вкладов) так и не соединились в единое целое и представляют собой три стороны треугольника, которые, как и положено в кризисе, противостоят друг другу и не понимают друг друга. И эта проблема имеет прямое отношение к теме мирового экономического кризиса.

Два дня назад Б. Обама, президент Соединенных Штатов Америки, собирал руководителей банков США и выступал перед ними, указывая, как им надо вести себя, чтобы препятствовать разворачивающемуся кризису. Кого же он собирал? Собственников банков, как пришлось бы делать в наших условиях Д.А. Медведеву? Владельцев акций банков? Нет. Он собирал исполнительных директоров банков, менеджеров, тех людей, которые руководят. Что у нас делают в аналогичных случаях? Собирают собственников. Но кто такие собственники в нашей стране? Это владельцы акций, люди, которые обладают по определению ограниченной ответственностью. Согласно Гражданскому кодексу, хозяйственные общества, кроме товариществ и близких к ним, – это общества с ог-

раниченной ответственностью. Собственник ответственен в рамках имеющихся у него акций. Ни за каких работников, ни за какую эффективность, ни за что другое он не ответственен! Это надо хорошо осознать, поскольку это порождает жуткие диспропорции на низовом уровне, когда права собственника колоссальны, а ответственность минимальна, когда права работников ничтожны, а ответственность высока и когда менеджеры мечутся между этими двумя огнями! Вот здесь едва ли не каждый из выступающих говорил об инновациях как необходимом условии движения экономики. Но зададим себе вопрос: кто заинтересован на предприятии в тех самых инновациях, к которым призывают буквально все выступающие сегодня и здесь, и везде? Откуда возьмутся инновации на предприятиях? Кто заинтересован в их внедрении? Директор предприятия – он далек от технологических вопросов, его основная задача – контакты компании с внешним миром, позиционирование на рынке и в деловой среде. Собственник предприятия? – Но здесь уже говорилось о процентах рентабельности, которые отбрасывают инновационные инициативы на периферию. Работники? – В редких случаях. Основную же группу заинтересованных лиц составляют профессиональные функциональные менеджеры – категория лиц, которым небезразличен технологический и организационный уровень производства. Однако эти лица не имеют самостоятельного представительства в системе принятия решений в корпорациях! Вывод: пока мы не выстроим институт корпоративной собственности таким, каким он должен быть, а именно институтом партнерства, институтом равного представительства всех материальных и нематериальных факторов производственно-хозяйственной деятельности предприятия, у нас ничего не получится. Сейчас эта система пронизана диспропорциями при доминирующей роли собственников. Необходим процесс отстранения собственников от управления. Сейчас много говорят о *системе участия* работников в капитале и в управлении. Это хорошо. Но параллельно должен идти процесс построения *дозированной системы участия* собственников в управлении. Неограниченное практически ничем безответственное участие собственников в управлении является порой разрушительным! Именно здесь коре-

нится проблема, превращающая корпорацию из целостной системы в «бутылку без дна». Следствием этой ситуации является и чрезмерное количество корпоративных заимствований, и чрезмерное количество (свыше 50%) убыточных предприятий в России.

В связи с «неправильным» поведением корпораций реального и финансового секторов во многих странах ставится вопрос о временной или даже долговременной национализации банков, корпораций. Мне тоже представляется, что *итоги приватизации должны быть пересмотрены!* Не в том, однако, смысле, чтобы у одних (неправильных, «неэффективных») собственников отобрать и отдать другим (правильным, «эффективным») людям. Я не знаю, что такое «эффективный собственник»! Я знаю, что такое эффективное производство, эффективный маркетинг и т.д. Должен быть пересмотрен институт корпоративного управления, который явился результатом приватизации – институт несбалансированных прав и ответственности всех участников производства. В этом смысле итоги приватизации должны быть пересмотрены, и это должно быть сделано именно сейчас, в период кризиса. Кризис – это лучшее время для строительства новых институтов экономики. Именно их мы с вами должны обсуждать. Мы как экономисты должны прийти к консенсусу, хотя бы минимальному в этом смысле. И тогда выход из кризиса станет реальностью.

Итак, первое, что необходимо, – это реформа корпоративного управления. Обратимся опять к встрече Б. Обамы с руководителями банков. К чему призывал Обама руководителей банков? К «сдержанности и ответственности». Обама внушал им те принципы, по которым они должны действовать. Что это значит на экономическом языке? Утверждаю, что это означает следующее: действовать не спонтанно, а в соответствии с избранной тщательно продуманной стратегией. Иными словами, речь идет о необходимости создания системы стратегического планирования деятельности банков. Система многоуровневого стратегического планирования – это то, в чем мы нуждаемся сейчас, в эпоху фрагментации экономики, в эпоху деконсолидации экономического пространства и по вертикали, и по горизонтали. Нужна не просто очередная макростратегия, которую правительство неожиданно и спонтанно выкатывает на нас, *а система многоуровневого стратегического*

планирования как процесса. Тогда не потребуется и национализация (довольно грубый, топорный инструмент), тогда будут задействованы механизмы и кредитования банками реального сектора и налажено взаимодействие между корпорациями в условиях кризиса. Итак, второе, что необходимо сделать, – это создать систему стратегического многоуровневого планирования, включающую корпоративный уровень. При этом эта система должна быть не просто индикативной, а с элементами ответственности за соблюдение. Если правительство идет на искусственное кормление предприятий через «зонд», внешним образом, вкачивая в предприятия по своему выбору общие (бюджетные) деньги, значит, оно может пойти и на систему частично директивного стратегического планирования, которая указывает некоторые ориентиры и принципы формирования решений на предприятиях.

РЕПЛИКА: Это что, типа принципов Политбюро?

Ну, в слове «принцип» ничего плохого нет, ни при Политбюро, ни при администрации президента, весь вопрос в том, что за принципы...

Третье – перестройка межфирменных взаимодействий. Как выходила промышленность из кризиса 1990-х годов? – За счет бартера, за счет вексельного обращения. Так или иначе, со всеми издержками, но это позволило нам выплыть. Стоит вспомнить об этом опыте, хотя его значение и временно.

Общий вывод: основная задача экономической науки сейчас – создать модель будущей посткризисной экономики, сбалансированной в пространственном и временном аспектах, состоящей из сильных самостоятельных агентов, соединенных благоприятной и прозрачной межфирменной средой. На уровне этих агентов необходимо создание механизмов принятия решений, гармонизирующих права и ответственность всех стейкхолдеров, непосредственно участвующих в жизни корпорации. Только при этих условиях, чего нет сейчас ни в одной опубликованной программе – ни в правительственной, ни в иных, мы можем рассчитывать на то, что кризис останется временным явлением, а не постоянным состоянием нашей экономики.

К.Д. ПРУНСКЕНЕ,

экс-премьер-министр Литовской Республики, д.э.н.

Добрый день, уважаемые коллеги – экономисты России. Я прежде всего хочу поблагодарить за возможность участвовать в столь представительном круглом столе по очень важной теме с моим коллегой, европарламентарием от Литвы – от партии, которую мы представляем в парламенте Европейского союза, – Гинтарис Диджиоклс. Очень хотелось бы высказать здесь нашу удовлетворенность и благодарность за то, что можем услышать очень продуманные стратегические мысли по вопросу, который волнует сейчас весь мир, то есть антикризисные меры, и, конечно, применительно к конкретной стране. Одновременно мы думаем тоже и о своей стране, о наших заботах. Я хотела бы прежде всего высказать несколько пунктов по тем вопросам, которые прозвучали как спорные, то есть были разные мнения по тем или другим вопросам.

Полностью соглашаюсь со многими высказанными мыслями при оценке ситуации, причин, возможных поисков решений. Я думаю, что один из моментов, который здесь прозвучал и который актуален и для Литвы, – это упрощенный подход правительств к кризисной ситуации и к выходу из нее. Насколько это характерно для России – я не могу брать ответственность и смелость говорить об этом, но я вижу, что в этом плане, видимо, нет монополии на поведение. Как правило, правительства пытаются сосредоточиться над финансами государства, банковским сектором. Доминирует стратегия представления экономики как финансовой экономики. Здесь влияет также монетарная политика. В частности, в Литве это означает, что прежде всего спасается бюджет, дефицит бюджета, изыскиваются возможности, как получить больше средств в бюджет за счет повышения налогов предпринимателей, то есть за счет реальной экономики и также отчасти за счет средств населения. А это как раз, на наш взгляд, ведет к углублению самого кризиса и к более длительному процессу последующего возможного выхода из этого кризиса.

Другой момент – это альтернативный подход: на что обращать больше внимания, чему отдавать приоритет – новым наукоемким областям, скажем, как нанотехнологии в России (как известно, над ними много работают ученые) или старым базисным областям, в которых существует большинство рабочих мест. Насколько это альтернатива – или то, или другое? Скорее – и то и другое. Все-таки я больше была бы склонна здесь поддержать линию проф. Н. Шмелева. В этой ситуации, когда экономика идет вниз, сосредоточиться на новых областях, на том, что еще и не имеет достаточного спроса, не имеет рынков, рискованно. Где и кому продать продукты этих технологий, этих новых секторов? Сколько можно сейчас ожидать дополнительных рабочих мест в них, если упустить возможности поддержки и жизнеспособность традиционных отраслей, которые уже имеют нишу? Россия – специфическая страна, и вы сами говорили об этом. Когда 40% экономики идет через ресурсный сектор, через экспорт ресурсов, ситуация складывается несколько по-другому, чем, например, в небольшой стране Литве, не владеющей такими ресурсами. В ней именно потребительские товары, в том числе продовольствие, имеют довольно большой вес. Например, в нашем экспорте в прошлом году продовольствие составляло около 20% экспорта страны. Четверть экспорта продовольствия идет в Россию – это традиционные наши рынки. Если сейчас мы сосредоточились бы на поисках новых и упустили возможность сохранить стабильность и конкурентоспособность в этих, кормящих многих людей и бюджет отраслей, это конечно, было бы необоснованно и очень рискованно. Но Гавриил Харитонович Попов, несомненно, прав в том плане, что все-таки государственные инвестиции как задел на будущее должны быть направлены и на те области, где имеется новая перспектива и шанс выхода на более высокий уровень технологий и структуры хозяйства.

Я думаю, что к приоритетным сферам для госинвестиций можно отнести также улучшение инфраструктуры, энергетической, транспортной системы, телекоммуникационной, с тем чтобы и другие отрасли хозяйства из-за этого имели новые преимущества в конкурентоспособности на региональном и международном рынках.

Скажем, энергетика. Ведь естественные ресурсы тоже не безграничны. Например: синтетический газ – альтернативная сфера по газу. Мы работаем над этим тоже. Быстро растет производство биогаза, биодизелина с использованием наших местных ресурсов сельского хозяйства, вторичного сырья, отходов. Таким путем можно прибавить возможности самообеспечения энергоресурсами экономики и быта страны.

Я бы поддержала высказанные позиции по системе налогообложения, в частности – уровню подоходного налога. У нас в Литве по этому вопросу также имеются разногласия и идут дискуссии. Думаю, что в такое время резкие движения делать рискованно вообще. Но резерв поднятия тарифа в России выше 12%, особенно для высокооплачиваемых, наверняка имеется. Литва пошла накануне кризиса в обратную сторону, то есть снизила с 24% до 20% – единого тарифа. Но здесь спрашивается: кто просил, зачем нужно было сокращать подоходный налог для высокооплачиваемых, когда можно было оставить тот же уровень, учитывая кризисную ситуацию и аргументируя этим? Сокращать следовало бы только для низкооплачиваемых. Или же поднимать необлагаемый налогом минимум доходов населения. Это был бы более в социальном плане дружеский и для доходов бюджета рациональный ход правительства и государственной политики.

И еще, что касается поддержки национального бизнеса. Получается так, что кризис имеет глобальный характер, а преодолеть его в основном придется на уровне стран. В Литву кризис пришел несколько позже – во второй половине прошлого года. Специфика наша и то, что у нас образовалась за последние десятилетия прослойка жира. Что имеется в виду? Годовой рост ВВП за последние годы составлял 7–8%. В прошлом году во второй половине года наша экономика уже начала идти вниз, но все равно рост в прошлом году еще был свыше 3% ВВП. В этом году мы ожидаем уже где-то 5 или даже больше процентов спада. В этом видим и определенную долю последствий неадекватного, непропорционального выбора антикризисных мер. Поэтому очень важно продолжать дискуссию в поиске антикризисных мер.

Если говорить о конкурентоспособности, то она, думаю, во всех странах должна носить системный характер: начиная от доверия, от политического контекста, стабильности налоговой системы и других стратегических вопросов государственной политики вплоть до наличия самого конкурентноспособного товара. Для Литвы такая ситуация, о которой здесь говорилось, когда предложение монополизировано или дефицитно, а потребителей много, нехарактерна, потому что у нас во многих отраслях довольно большое предложение, но, конечно, не в энергетике, не в газовом и нефтяном секторе. А потребитель, платежеспособный потребитель, испытывает испуг, почти шок от осознания кризиса, очень осторожно ведет себя при расходовании денег на частное потребление. И это, конечно, дает опять-таки негативное влияние на сдерживание спада производства во всех областях, вплоть до строительства. В строительстве цены до сих пор были очень высокие. Сейчас строительные предприятия должны жить на том, что заимели от сверхприбыли за прошлые годы. Ибо потребитель во всем: не только в выборе товаров роскоши, в том числе хороших автомобилей, и в выборе, что строить, а что отложить как в производстве, так и в личном потреблении, начал вести себя очень осторожно. Поэтому правительству и ученым подавать сигналы слишком высокой озабоченности населению довольно рискованно. Это влияет на психологию потребителя, тогда он свои средства лучше оставляет на будущее, а это опять-таки влияет на снижение спроса и объемов производства.

Я еще раз хочу сообщить, что на следующей неделе, 8 апреля, в Вильнюсе мы делаем похожий круглый стол. Посылали вам приглашения. Спасибо господину В. Красильникову и Торгово-промышленной палате России, что они содействовали в этом. Приезжают заместитель директора Института экономики Академии наук России, профессор, член-корреспондент РАН Дмитрий Сорокин и Вице-президент ТПП профессор Георгий Петров. И если у кого-то есть желание прибыть в Литву на следующей неделе, мы будем рады пригласить на наш круглый стол. В нем участвует несколько представителей соседних республик: Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши.

Спасибо большое за внимание.

В.В. ИВАНТЕР,

*директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН, д.э.н., профессор*

Мы сегодня собрались обсуждать кризис и занялись совершенно не тем. Я очень внимательно слушал. Мы обсуждали те проблемы, которые есть в российской экономике. У меня есть в кабинете шкаф, где хранятся все тома Комплексной программы, которая была создана за последние годы. Она была совсекретная, потом дсп и т.д. – теперь все это открыто. Все, что было сейчас сказано про отечественную промышленность, – там все это было написано. Говорят, что все развалилось, ничего не работает, ничего не происходит. Тогда мы должны были уже погибнуть, но почему-то живем. Мне кажется, что эти все всхлипывания, они, конечно, вполне оправданы, но никакого отношения к кризису не имеют. Все-таки внятно объясните: что произошло-то? В июле кризис был или не было? А в 2007 году кризис был или не было? Мне кажется, если мы будем все это в кучу сваливать, то мы из него никогда не выберемся. И как мы узнаем, что мы из кризиса вышли? Студенты мне внятно объясняют, говорят: «Как? По телевизору скажут – все ясно». А если не скажут по телевизору? Надо внятно объяснить, что было. Давайте думать: что произошло? Разговор о том, что надо из кризиса выходить с помощью инноваций, – это просто непрофессионально. Инноваций без инвестиций не бывает. А инвестиции бывают только в стадии подъема. То есть это просто обыкновенная болтовня. А что происходит сегодня? Самое приятное, что ничего неожиданного в России не произошло. У нас в ноябре месяце легли алюминий, черные металлы, целлюлоза и удобрения. Почему легли? Потому что эти отрасли были ориентированы на экспорт. Я нашим алюминщикам и металлургам, которые были очень довольны собой, объяснял, что нельзя жить исключительно на алюминиевых болванках и на сляках. Вы в конце концов екнетесь. Лисин еще что-то слышал, Мордашов был в восторге от самого себя. Ну и что? И он екнулся, и совершенно

нормально – и должно было так произойти. Другой вопрос, что, конечно, проблема-то ни в Мордашове, а проблема в том, что, если мы останемся без черной металлургии, мы вообще никуда не вылезем. Это, конечно, проблема. Что произошло с ноября? Я бы сказал так: что в действительности все-таки некоторые улучшения есть. Потому что если в ноябре у нас по минеральным удобрениям был минус 60, то уже в феврале где-то минус 20. То есть меры, связанные с таможенной, некоторым образом помогли по минеральным удобрениям. По прокату мы немного выехали вверх и т.д. Но в действительности нужна программа замены внешнего спроса на внутренних. Может ли это быть сделано быстро? Нет, не может. Потому что проблема не в том, что у сельского хозяйства нет денег на минеральные удобрения, а в том, что потеряна структура – структура внесения удобрений. А это мгновенно не сделаешь. То есть нужно вложить в эти вещи определенные средства. Затем что у нас произошло? У нас в этих условиях инвестиции оказались в некоей задумчивости. И задумчивость связана с тем, что совершенно непонятно, что будет с курсом – это было совершенно непонятно. И второе обстоятельство – что будет все-таки делать власть: будет она делать практические дела или ограничится разговором. Кроме того, мы смешали одно с другим. У нас жилищное строительство в Москве и Питере встало не из-за кризиса. Оно еще с января месяца прошлого года у нас в воду метит. Потому что те, кого мы называем девелоперы, загнали цены вверх и потеряли рынок, а теперь очень мучаются, что все-таки делать? Можно ли продолжать жизнь так, чтобы было 100% дохода годового. А 50 – это как-то сомнительно. А жить на 15% – это ненормально. Это у них на Западе может быть 15. У нас вообще нормальный бизнес такой жизнью не живет.

Теперь. Ругают меры правительства. Возьмем автомобильную промышленность. Меры были отличные. Что было придумано? Первое. Поработали в отношении спроса. Было предложено, что дадут деньги муниципальным образованиям и прочим регионалам на покупку автомобилей. Дадут денег в агролизинг для покупки грузовиков, дадут денег военным, МЧС и прочим на покупку грузовиков. Кроме того, была идея, что и население поддержат с по-

мощью льготных кредитов для покупки. Когда это было объявлено? – В октябре. Три месяца обсуждали вопрос, какие марки автомобилей будут объявлены. То есть вещь, которую можно сделать за полчаса, делали три месяца. Говорят: «Давайте предложим правительству что-то новое». Нельзя что-то им предлагать, потому что не сделано то, что объявлено. А если это не сделано, то нельзя понять – надо что-то менять или нет. А накладывать одни меры на другие – это значит устроить полное безобразие. Мы ведем себя ровно так, как мы ведем себя всегда. Кроме того, есть еще одна опасность. У меня работает довольно известный в институциональной экономике сотрудник. Когда я что-нибудь говорю о том, что государство сделает, он говорит: «Вы какое государство имеете в виду? То, которое есть, или какое-то другое?». С другой стороны, конечно, есть опасность, что власть чего-нибудь совершит революционное. Это, конечно, большая беда, и я тут не могу никак согласиться с Гавриилом Харитоновичем, потому что он предложил все-таки некую революционность. Просто это революция, а у нас это приведет к полному коллапсу. Вот мне кажется, что никаких революций учинять не надо. А что надо сделать? Первое. Нужно реализовать сначала то, что объявлено. Там ничего дурного не объявлено. Но из этого ничего не сделано. Это первое. Теперь что нужно сделать. Нужна программа... не разговоры, а программа развития инфраструктуры и жилищного строительства. Почему? Потому что это внутренний спрос. Если у нас будет нормальная система инфраструктуры, то тем самым мы сохраним свою металлургию, мы сохраним свое строительство. И, кроме того, это две отрасли с самым сильным мультипликатором. В автомобилестроении: что упало-то у нас самым сильным образом? – Подшипники. В ноябре дали 8%. Это совершенно понятно. Если мы поднимем и сельхозмашиностроение, и автомобилестроение, то мы и здесь подыдемся. Безусловно то, что реально на «Россельмаше», – это сдвиг довольно существенный вверх. Теперь я хотел бы сказать одну принципиальную вещь по поводу утверждения, что в России мы сидим на нефтяной «игле», зависим от нашего сырьевого экспорта и надо все это кончать. Что имеется в виду? Мы кончаем заниматься «дурацким делом» – добывать нефть, газ и их экспорти-

ровать? Пишем компьютерные программы и ими торгуем? Дураки, что ли? Психи? Мы в России будем держать не добывающую, а обрабатывающую промышленность! Слушайте, мы смешиваем две разные вещи. У нас с демографией положение не лучшее и не улучшится. А обрабатывающая промышленность – она малокапиталоемкая, и она трудоемкая. Зачем все это делать? Наконец, вопрос заключается в том, какой счет в нашем экспорте наукоемкой продукции. Есть люди, которые твердо уверены, что газ добывается в Кремле – там сидит Путин, крутит вентиль. В действительности газ не добывается в Кремле, газ добывается на Ямале. Я не знаю, все ли там были... Там холодно. Вообще там очень противное место. Не в Кремле, а на Ямале. И бурить нужно глубоко и т.д. Я всем привожу один пример – я начинал с Сергея Борисовича Иванова объяснять. У нас сегодня коэффициент извлечения нефти из недр хуже, чем при советской власти. Мы где-то сейчас меньше 40% имеем. Можно довести до 60, но для того, чтобы это сделать, нужен инновационный прорыв. А результат какой? А результат будет еще 200 млн тонн нефти. Мы еще окажемся в худшем положении по этой системе счета. Вот эти 2,5 тонны нефти – это инновационная продукция, если она получена таким образом. Это первое обстоятельство. Второе обстоятельство заключается в том, что мы зависим от цен на нефть и газ. Да. А что, вы думаете, что от цен на куклу Барби лучше зависеть? Мне кажется, что проблема заключается не в том, что мы зависим от экспорта, – мы зависим от импорта по продовольствию. Вот если не будет продовольственного импорта, у нас будет все нормально. Наконец. Всхлипывают по поводу цен на нефть – 40 долларов за баррель. А какая у нас себестоимость? А у нас себестоимость 15 долларов с транспортом. А «Роснефть» имеет 12 с транспортом. А что вы хотите? Отличные цены. ОТЛИЧНЫЕ! И когда говорят 40 долларов за баррель... Мало, да? А как 40 образовалось? Неизвестно, что ли? Это какое к нефти имеет отношение? Кроме того, в отличие от всего остального по энергии никакого сброса по спросу нет. Энергетическое агентство сколько прогнозирует? Ну, полтора процента. Кроме того, мы все-таки 75% газа используем внутри, а не экспортируем. По нефти достаточно высокий уровень экспорта – там

больше 200 млн тонн, но у нас очень низкое потребление нефти внутри. У нас энергоемкость большая, а энергопотребление низкое. У нас низкая комфортность энергии. Поэтому я считаю, что сейчас нужно все, конечно, совершенствовать, и, безусловно, нужны инновации, и, безусловно, нужны нанотехнологии. У меня сосед по лестничной площадке довольно известный химик, академик Еременко Игорь Леонидович. Он меня встречает и говорит: «Я перешел в новое отделение у нас в Академии наук – в отделение нанотехнологии». Я говорю: «О! Вы мне сейчас расскажете, что это такое». Он говорит: «Не-ет. Мне просто объяснили, что то, что я делаю, это и есть нанотехнологии». Сейчас действительно у нас произошло некоторое улучшение в Академии наук в смысле заработной платы. Это действительно факт. Сейчас вполне приличная зарплата. А что плохо? А плохо у нас с приборной базой. Если вложить в приборную базу, то более-менее приличное состояние будет. А будут ли там прорывы в нанотехнологии или в чем-то другом, это никакого прямого отношения не имеет. Здесь я не могу вам не сказать о наших оценках на перспективу. Все-таки в отличие от Дворковича мы считаем, что легли в ноябре и лежим... Есть такое выражение – V-образное или U-образное. Мы в корыте находимся. Лежим в корыте, но вопрос в том, сколько времени будем лежать на дне этого корыта. Есть два варианта. Наиболее оптимистический вариант. Это вариант, что мы уже в марте начали восстановительный рост, что не доказано, но в апреле он, безусловно, начнется, восстановительный рост. И по нашим представлениям, есть два подхода. Пессимистический вариант, что мы выйдем где-то между 2–3% экономического роста (а не сброс будет, как ожидает Минэкономразвития). А если цена на нефть будет где-то 55, то это будет около 5%. Я бы сказал так. Росстат правильно публикует, а Министерство экономики время от времени влекут странные числа. Например 8% сброса ВВП в январе месяце, которые они умудрились определить, абсолютно нельзя подсчитать по той причине, что у нас 35%-ный сброс по импорту был. Как они могли поэтому получить сброс на 8% – нереально. Я думаю, что это было связано с тем, что Андрей Клепич болел, а делал этот расчет кто-то из девочек или мальчиков. Росстат же не делает ме-

сячных расчетов, и смотреть было некогда, вот они и выдали на публикацию – 8%. А теперь уже, раз выдав, они вынуждены этого придерживаться. А сброс по ВВП был менее 1%. Что происходило? Импорт упал на 35%, а экспорт физически упал только на 5%, значит, торговля выросла, услуги выросли, а упали инвестиции на 16%. В общем, никак мы их 8% спада не получаем. Андрей обещал приехать и рассказать про свои 8% – не едет, потому что не может он это объяснить. В целом я считаю так. Да, мы из кризиса выйдем ровно с теми проблемами, которые есть. Ровно с этими.

СИТАРЯН. Вопрос. Как долго будем выходить? Есть разные оценки – есть 4 месяца, есть 4 года.

Степан, ежели то, что объявлено, сделаем, то так и выйдем. Что мы действительно имеем? Мы имеем рыночную экономику действительную, и она сопротивляется власти, иногда ее побеждает. Так что есть шанс, что выйдем. Очень хорошую версию дал патриарх Кирилл. Он сказал, что надо делать. Он сказал – пить надо меньше, а работать больше.

О.М. ПОПЦОВ,

*генеральный директор ОАО «Полиграфический комплекс
«Пушкинская площадь»*

Виктор Викторович Ивантер – это нечто. Я очень люблю его слушать. Основная мысль Виктора Викторовича: мы хорошо думаем, но плохо работаем. Я рискну уточнить: мы не очень хорошо думаем, но еще хуже работаем. Кстати, замечу специально для академика Ивантера – правильная эксплуатация леса может давать прибыль в 2,5 раза больше, чем нефть и газ, вместе взятые. Это все к тому же, как мы думаем. Считайте это репликой выпускника Ленинградской лесотехнической академии, после Петербургского университета старейшего вуза страны.

Но лес в отличие от нефти и газа – восстановимый продукт. Говоря о нашем развитии, о приоритетности, всегда следует помнить, что Россия – это 1/6 часть лесов мира. Кстати сказать, примерно столько же – 1/6 часть Земли. Второй гигантский ресурс России – ее пашня. Мы располагаем 1/6 пашни мира. Это значит, что у нас при правильной организации абсолютная реальность стать монополистами в производстве зерна, чего мы не сделали в течение почти ста лет.

Третий наш бесспорный приоритет. Понятие Великая Россия пошло не от масштаба свершений, а от размера территорий. Что есть наша территория? Великий транзит Балтийское море – Тихий океан – это наша золотая жила. Железнодорожный транзит и автотранзит. Вот на что следовало бы употребить, хотя бы частично, 8 благодатных лет, которые мы пережили, имея сумасшедший денежный дождь. И это отнюдь не риторика. И четвертый наш приоритет – мы многонациональная страна, а межнациональные браки дают самое талантливое потомство. Это доказано наукой. Поэтому максимальные вложения в людей могут обеспечить и обеспечивали при поганом «совке», как любят говорить очумевшие либералы, прорыв в технических науках, медицине, образовании, культуре, так что не только в области балета мы были впереди планеты всей.

Кто-то из уважаемых и умных людей сказал: «Кризис – это когда все воюют против всех». Так ли это? И да, и нет. Кризис – это возможность объединения, как равно и размежевания общества. Именно кризис дал ответ на вопрос: кто с кем. И кризис в условиях России эту истину подтвердил достаточно жестко.

Замечу при этом – обилие прогнозов по поводу кризиса – суть кратчайший путь к созданию состояния хаоса и паники. А мы, судя по неисчислимым высказываниям экономистов, политологов, самой власти, СМИ, либо этого не понимаем, либо не хотим понять. Прогноз Виктора Викторовича Ивантера ничего общего не имеет с прогнозом того же академика Петракова или Егора Гайдара, прогноз господина Кудрина с прогнозом господина Дворковича или Игоря Сечина, а прогнозы того и другого с прогнозом первого вице-премьера Шувалова. Ничто ни с чем не стыкуется. Понятно, что каждый, озвучивающий прогнозы, обозначает себя в пространстве. Но народ начинает ошалевать от этих предположений, и люди перестают понимать, что лучше: смотреть телевидение и слушать радио или не делать этого? Потому что и то и другое одинаково порождает панику, так возникает внутренняя истерия. Но, слава богу, Ивантер стал часто появляться на телевидении – это очень хорошо. Виктор Викторович – оптимист. Я думаю, что еще один вывод, который следует сделать из кризиса: мы поторопились с похоронами социализма. Поторопились. Кто мог подумать, что спустя 130 лет так возрастет востребованность трудов Маркса. Хочу подчеркнуть, особенно у молодежи. На трех дискуссиях, в которых я участвовал, молодые люди приходили с трудами Маркса и зачитывали цитаты, стопроцентно отражающие сегодняшний кризис, и просили меня их прокомментировать. Мы не обсуждаем сейчас Маркса, но нелишне заглянуть в его труды сегодня, тот же Маркс сказал вещие слова: «Первичное накопление капитала сопряжено с криминализацией общества». 1992 год. Я у Бориса Николаевича Ельцина. Я ему озвучиваю эту цитату и говорю, что надо немедленно создать совет, комиссию при Президенте по борьбе с коррупцией. В своей манере Ельцин говорит: «Мне нечего Вам возразить», – и что-то записывает. Проходит ме-

сяц, два, три, восемь месяцев – наконец комиссия создается. Она собирается один раз. Это к слову.

РЕПЛИКА ОДНОГО ИЗ УЧАСТНИКОВ ДИСКУССИИ. А что, если бы она собралась двадцать раз?

ПОПЦОВ. Не знаю, смотря кто бы этим занимался, простите меня.

РЕПЛИКА ОДНОГО ИЗ УЧАСТНИКОВ ДИСКУССИИ. Руцкой занимался.

ПОПЦОВ. Руцкой ничем иным, кроме амбициозной болтовни, не занимался. Потому и финал оказался таким.

У нас два прошлых. Советское прошлое и прошлое с 1990-х годов. И большинство населения жило в этом сдвоенном прошлом. И если за последние десять лет мы сумели потеснить и что-то выиграть у рядом стоящего прошлого, то у более отдаленного, но вполне реального и осязаемого прошлого мы выиграть не можем. Это факт. Мы перечеркнули «плохой социализм», но трагизм и курьезность ситуации заключается в том, что нынешний кризис подарил нам отчетливое понимание, какой капитализм на смену якобы «скверного социализма» пришел. И понимание этого погрузило страну в состояние отчаяния. Мы построили бандитский, алчный, антипатриотический капитализм. Он породил отторжение большинства общества к людям, занимающимся бизнесом, а точнее, к несправедливо обогатившим наших олигархам. Да, испокон веков в России не любили очень богатых. Но сегодняшние богатые в этом виноваты сами. Их поведение вне норм морали и нравственности. Они мало что кичатся своим богатством, они практически купили власть. Сначала это вызывало недоумение основной массы общества, затем подозрения, а потом это чувство стало переходить в ненависть.

ИВАНТЕР. Извините, у меня есть шутка по этому поводу: «Любить богатых – это извращение». Можно любить женщин, лошадей, вино. Но любить богатых – это что такое? Странно.

ПОПЦОВ. Богатые презирают бедных, увы, но это правда, считают их быдлом и относят к категории бездарей. Они говорят: «Нам наплевать, что думают о нас эти бездари. Они нам завидуют. Так было всегда». Нет, так не было всегда. Это попросту желание оправдать себя. Подобный драматизм породило колоссальное расслоение общества. Мы говорим, что разрыв в 17 раз. Господа, это статистика. Ну кто же верит нашей статистике! В 36 раз разница. Тридцать шесть! Если не больше. Разрыв в доходе самых богатых и наиболее бедных. Кто-то скажет: «Это в Москве такие цифры». Извините господа, – отвечу я, – по всей России точно такие же особняки, когда вы подъезжаете к Самаре либо едете в Удмуртию, Калужскую, Ростовскую области – всюду, куда ни повернешь взгляд. Всюду вызывающая сверхбогатая одинаковость на фоне такой же одинаковой бедности. Вот так. А мы рассуждаем о прорыве, о нанотехнологиях, об инновациях. Из полутора тысяч опрошенных школьников 82% хотят стать депутатами и чиновниками. Не конструкторами, учеными, врачами, педагогами, металлургами, исследователями, экономистами, а депутатами и чиновниками. Вот что произошло. Откуда возьмется прорыв? Офисная биография не способна сотворить руководителя производства, отрасли. Вне реальной жизни нет биографии. Мы говорим сегодня об инновациях. Но у нас нет ни первого, ни второго, ни третьего поколения в науке. Средний возраст ученого – 63 года. 8–10 лет назад было 59 лет. Примерно такой же средний возраст у токаря. Так что академиком не на что обижаться. Вот это все моменты нашего якобы движения. Мы построили экономику страны по формуле: рост без развития. Вот суть нашего бытия. У нас много говорят, как выйти из кризиса, но слова не могут заменить результативные действия. Где-то год назад Владимир Владимирович Путин позволил себе некую шутку: «Есть такая русская забава, рассуждать о национальной идее. Это забава российской интеллигенции». Мне думается, это заблуждение. Поганый «совок» когда-то сказал: «Догнать и перегнать», и за десять лет СССР был превращен в индустриальную державу. Уметь выстроить национальную идею по принципу ее эстафетности, чтобы в ней нашел себя и восемнадцатилетний и шестидесятипятилетний, – в этом одаренность лидеров страны или

менеджеров высшего ранга – назовите как угодно. Это и есть ключ к выходу из экономического кризиса. Я против этой бессмыслицы, что, дескать, правительство все делает неправильно. Но в очереди дел есть одно «но». Главным тормозом в развитии страны последние десять лет, потому что в предыдущие десять лет развития не было... Так вот, главным тормозом является коррупция. Это очевидный факт, и мы никуда от него не денемся. Мы говорим: почему деньги, которые выделило государство, не доходят до адресата? Потому... Почему льготы по одному направлению принимаются, а по второму направлению отвергаются? Потому что блок первого направления некие силы проплатили, и это принято. Вот суть драмы сегодняшнего общества. Драмы!!! Я не первый раз повторяю этот пример: вы получили разрешение на строительство, и до того момента, как вы воткнете лопату в грунт, проходит 736 дней, т.е. 2 года. О каком развитии мы можем говорить тогда? Цепь согласований сплошь и рядом – это цепь поборов. В свое время «плохой» Ленин сказал хорошую фразу: «Главная политика – это экономика». А у нас в последние годы главная экономика – это политика. Если вы возьмете любой закон, а сегодня Дмитрий Анатольевич Медведев сказал, что несколько тысяч законодательных актов следует проверить на уровень их коррупциемкости. Как они принимались? Это все происходит очень просто. Приходит новый состав парламента и начинает изучать ранее принятые законы. Перелистывает и говорит – нужны немедленные поправки. Почему? Потому что там нет нашего интереса. И принимаются поправки. Вот где тормоз развития. А мы все ищем, где он, выход из кризиса. И когда я вижу, как из самых лучших побуждений премьер распределяет громадные средства, дабы помочь защититься: одному субъекту 20 миллиардов, другому – 35 миллиардов, третьему – 15 миллиардов рублей на те или иные нужды, он вряд ли догадывается, как их выстригут снизу в достаточной степени. И объяснение у чиновника есть – мы тебе выдали, а другим нет. А это, друг мой, дорогого стоит. Вот так они и идут до востребователя. Вспомните, как же начиналась наша банковская система. Я когда-то работал в банке. Это было одним из первых моих потрясений. Когда мы приехали на завод, меня вводили в курс дела как президента. И

директору завода говорят: «Вы счет открываете в нашем банке – ваши 20%». Это был 1995 год. И так была создана вся наша банковская система. Не предприятие имеет 20%, а директор. А предприятие 5%. Вот и все... И сейчас нелепо высказывать недоумение. Как же так? Почему банки ведут себя так? Потому что мы зачали их порочно. Мне вспоминаются прекрасные слова Евгения Максимовича Примакова в бытность его премьерства: «Странно. Приватизация прошла, а зарплату на приватизированных предприятиях не выдают».

Тогда на заре 90-х желали уничтожить государственную собственность раз и навсегда. Да, государственная собственность работала не всегда эффективно. Это правда. Но у нас в Конституции записано «равенство форм собственности». Точно так же, как большевики в 1917-м уничтожали частную собственность, точно так же младореформаторы это повторили в 90-х, уничтожая государственную. И лозунг тот же: «До основанья, а затем...». Сегодня мы являемся свидетелями масштабного краха и кризиса частной собственности. Ни один олигарх не вернул свои миллиарды, которые лежат у него в офшорной зоне, и не вложил их в спасение своих предприятий. А ведь это его собственность. Вот что такое сегодня российский капитализм. Олигарх в критической ситуации падает в ноги государства: спасите, помогите. И государство спасает за наш, налогоплательщиков, счет. А общество, народ недоумевает, но не более того. Ибо он, народ, вычеркнут из оборота идей, которыми живет власть. В который раз власть дает понять: «Что делать, мы знаем лучше вас». Нельзя так не любить собственный народ.

Почему власть первой стала спасать богатых? И как прореагировал на это народ? Очень просто. «Власть спасает своих», – сказал народ. Власти надо очень много сделать, чтобы доказать обратно, что мы и они – не одно и то же. Но в это вряд ли кто поверит. Спасибо за внимание.

М.Г. ДЕЛЯГИН,

*председатель Президиума – научный руководитель
Института проблем глобализации, академик РАН, д.э.н.*

Спасибо большое. Я прежде всего хотел бы обратить внимание, что прошлое выступление содержало позитивную ноту. Олег Максимович сказал, что 92% школьников хотят быть чиновниками и депутатами. Раньше такой же процент хотел быть бандитами и валютными проститутками. То есть в школьной среде снизилась доля популярности хотя бы валютных проститутков, что уже хорошо; что касается нынешних чиновников, то, боюсь, они ближе к бандитам, чем к проституткам, – по крайней мере по выполняемой ими функции.

Что касается темы нашего заседания – мы переживаем сейчас два разных кризиса: мировой и российский. То, что мировой кризис немножко влияет на нас – и эта часть официальной пропаганды действительно соответствует действительности, – не должно скрывать от нас того, что эти кризисы принципиально различны.

Мировой кризис – это изменение устройства человеческого общества. Есть, конечно, кризис капитализма как экономики, основанной на кредите, и кризис основанной на глобальных спекуляциях финансовой системы, но в основе лежит кризис управления – вещь значительно более глубокая, более фундаментальная, связанная с тремя проблемами.

Первая проблема – информационный взрыв. Управляющие системы не справляются с колоссальным ростом объема информации и колоссальным ростом количества людей, которые задумаются на абстрактные темы. Причем поскольку люди задумываются об этом впервые, они задумываются об этом непрофессионально, глупо, делая ошибки. Но попробуйте убедить неграмотного или полуграмотного человека в ошибочности того, до чего он дошел своим умом! В прошлый раз такое было во время изобретения книгопечатания, кончилось Реформацией, Религиозными войнами и затем Вестфальским миром, положившим основу современным государствам.

Вторая проблема порождена массовым распространением компьютеров, которые берут на себя функции логического мышления, – примерно так же, как калькуляторы взяли на себя функции арифметических расчетов. Это значит, что соревнование людей внутри человеческого общества и коллективов, а также коллективов между собой идет все в меньшей степени на основе использования способностей к формальной логике и все в большей степени на основе способностей к творчеству. Мы все себя чувствуем творческими людьми, нам это лестно слышать, но не будем забывать, что творческий человек по определению (статистические данные на эту тему есть) обладает значительно менее устойчивой психикой, чем обычный средний человек. Поэтому не существует никаких способов управления коллективами, состоящими из творческих людей. Просто не существует способа гармонизации творческих инициативных людей в массовых масштабах – и система управления, не способная справиться с решением этой задачи, «сыплется», на глазах теряет эффективность.

Наконец, третья проблема связана с глобализацией, главная сторона которой – превращение технологий формирования сознания в общедоступный и массовый вид бизнеса. Это означает, что если ранее человечество на протяжении всей своей истории занималось трансформацией окружающего мира, то теперь оно все в большей степени переориентируется на трансформацию самого себя.

В результате мы имеем резкое снижение потребностей в знании как таковом, потому что раньше, когда человек менял окружающий мир, ему нужно было понимать, как он устроен. Теперь человек меняет самого себя, и знать, как устроен окружающий мир, ему надо уже намного меньше. Результат этого – кризис знания и кризис науки, который идет во всех странах. По другим причинам, чем у нас, но результаты тоже очень печальные.

Второе следствие распространения технологий, основанных на формировании сознания, – падение эффективности системы управления, поневоле использующей их, из-за неприспособленности к ним. В результате она программирует и зомбирует сама себя, утрачивает связь с реальностью, подрывает эффективность традиционных институтов демократии, которые перестают работать не только в не приспособ-

соболенных к ним странах, в которые их пытаются экспортировать, но и в местах их традиционного использования.

На фоне этого управленческого кризиса проблемы с финансовой системой, в общем-то, выглядят вполне вегетариански. С одной стороны, сознательно менять финансовую систему невозможно, потому что она изначально выстроена под интересы Соединенных Штатов, которые автоматически блокируют и будут блокировать любые ее масштабные сознательные изменения, потому что для них любое изменение созданной ими системы означает прямые убытки. С другой стороны, США одновременно являются главным регулятором глобальных рынков и главным же их участником. Получается играющий судья – и это противоречие реализует себя в полный рост.

Кончится тем, что назревшие изменения мировой финансовой архитектуры будут носить неосмысленный, стихийный, хаотический характер и, значит, будут болезненными.

Главная мысль, которую я хочу всем этим описанием текущих процессов выразить, заключается в том, что возможности сознательного развития человечества ограничены, и сегодня значительно более ограничены, чем 20 лет назад.

Собственно, сейчас не тот момент, когда об этих возможностях вообще имеет смысл вспоминать.

Нынешняя депрессия, в которую вошел мир, началась кризисом американской ипотеки еще летом 2006 года – я не оговорился, именно 2006 года; вы правы, это было очень давно.

Понятно, что она вызвана глобальной монополизацией и, выжаясь марксистским языком, кризисом перепроизводства, правда, прежде всего очень специфической продукции – информационной и управленческой, а не обычной.

Загнивающий монополизм всегда ломается массовым распространением новых технологий – более дешевых и общедоступных. Звучит прекрасно, все радуются и предвкушают, но не стоит забывать, что такое преодоление монополизма – всегда чудовищное социальное потрясение.

Кроме того, что значит общедоступные технологии? Это значит, что каждая страна сможет пользоваться ими и производить

широкий круг необходимых товаров и услуг. Звучит прекрасно – если забыть оборотную сторону этой медали: резкое снижение потребности в мировом разделении труда. Зачем торговать, когда каждый сможет с вполне удовлетворительной эффективностью производить нужные ему товары и услуги? Таким образом, произойдет определенная сегментация и регионализация мира, выражаясь традиционным языком. Финансовая система станет поливалютной – разделится на несколько валютных зон, будут крупные региональные рынки, ну и, может быть, роль денег как символа, инструмента богатства, успеха и развития будут играть технологии, в том числе управления, а роль денег существенно снизится.

Понятно, что на пути ко всему этому и в процессе всего этого нас ждут очень серьезные социальные и политические катаклизмы и убытки, потому что Россия все-таки, несмотря на все наши бедствия, относится к более обеспеченной части мира, и соответственно любое выравнивание богатства будет идти в том числе и за наш счет.

Теперь о нашем, российском кризисе. Меня страшно умиляет наша интеллигенция, потому что я слышу умные разговоры про экономику в осознанном возрасте уже 24 года подряд. 24 года подряд очень умные люди говорят одно и то же: система управления принимает нерациональные решения. И 24 года подряд умные люди не устают этому удивляться.

Как они не устают этому удивляться, не могу себе представить.

Вопреки их недовольству я хочу объяснить, что наша система государственного управления является одной из высочайших по эффективности в мире. Когда мы обвиняем наше государство в неэффективности, мы просто расписываемся в непонимании его сути, в непонимании его истинной мотивации: она у него просто другая.

Мы все по инерции говорим, что нужно повышать эффективность производства, нужно снижать дифференциацию доходов, нужно делать, чтобы люди как-то получше жили и вообще жили. А вот подумайте: зачем надо, чтобы люди жили?..

Подход к нашему государству на основе гипотезы, что оно призвано следовать какому-то общественному благу, каким-то обще-

ственным интересам, попросту неадекватен. Наше государство создавалось 20 лет назад не для общественного блага, а для личного обогащения тех, кто его создавал и из кого оно состоит, а все остальные люди воспринимаются им, – может быть, неосознанно, – просто как биомасса, подлежащая переработке в личное благосостояние, в виллы на Сардинии, особняки в Лондоне, отдых в Куршевеле и прочее.

Смысл всех российских реформ, начавшихся в 1987 году, был предельно прост: освободить бюрократию от всякого внешнего контроля и дать ей богатство. И для многих это было вполне осмысленное решение, в рамках которого были созданы три взаимосвязанные механизма: кооперативы забирали материальные ресурсы у государства и позволяли их продавать по коммерческой цене, товарно-сырьевые биржи – паковать эти ресурсы в крупные партии товаров, а внешняя торговля выкидывала их на Запад и давала правящей бюрократии нормальные, по ее представлениям, деньги.

В результате этих реформ, которые шли непросто, с отклонениями, с частными реваншами здравого смысла (как, например, полугодовая работа Примакова – Геращенко – Маслюкова), в 2000-е годы действительно была создана качественно новая, еще невиданная в нашем обществе государственность, которой не было даже в кошмарные 90-е годы. Коррупция, по поводу которой мы все так дружно негодуем, является подлинной основой существующего государственного строя. Нравится нам это или не нравится, но это так – и, соответственно, борьба с коррупцией сегодня является конституционным преступлением, подрывом основ конституционного строя. С практической точки зрения, любое ведение финансового контроля разрушает благосостояние правящего класса и поэтому сейчас невозможно.

То, что и мир, и Россия находятся сейчас в состоянии депрессии, пусть даже большой, – не страшно. Лекарство известно: депрессия лечится путем замещения государственным спросом сжижающегося коммерческого спроса. Если это делать последовательно, грамотно, совмещая увеличение государственного спроса с комплексной модернизацией экономики, – тогда действительно, как говорил уважаемый академик Ивантер, экономика восстановится быстро: за

год-два, а может быть, и раньше. Однако для того, чтобы проводить эту политику в России, надо ограничить произвол монополий и, главное, ограничить коррупцию, – то есть, по сути дела, изменить политическое устройство. После этого можно будет вводить разумный протекционизм, примерно на уровне Евросоюза; без этого в условиях сегодняшней глобальной конкуренции развивать производство будет невозможно. Кроме того, необходимо будет модернизировать инфраструктуру и обеспечивать минимальную социальную поддержку – хотя бы прожиточный минимум.

Но все это можно делать лишь при условии ограничения коррупции, то есть при условии изменения политического строя.

Понятно, что государство этого делать не будет – и развитие России пойдет по-другому. Что у нас получится сейчас? Российская экономика временно стабилизировалась: с ноября она лежит на своеобразной «полочке». Проблема в том, что стабилизация эта временная: как и в 1993 году, она достигнута за счет интенсивного проедания оборотных средств, которые, по оценкам, должны закончиться в целом в конце марта. Да, это оценки; но, даже если закончим проесть эти средства в конце апреля, – значит, в мае начнется новый виток спада.

Поскольку наше государство реагирует на социальные трудности, а не на экономические, то очнется оно где-нибудь в сентябре, и подымется вторая волна раздачи денег. Эта раздача будет, по сути, бесконтрольна, потому что если раздавать их с должным контролем, то чиновничество почувствует себя ограбленным. Соответственно, будет новая волна девальвации – ну, не сразу, а по мере ускоренного проедания международных резервов, до конца 2010 года.

А относительно замечательной программы антикризисных мер правительства ограничусь двумя замечаниями. Первое: словосочетание «программа мер» – это не по-русски. И люди, которые ставят такой заголовок, тем самым расписываются в откровенно пренебрежительном отношении к этому документу. Второе: в программе написано, что у нас на 2009 год запланирован спад ВВП в 2,2%. Мы можем обсуждать, правильный этот прогноз или неправильный. Я бы хотел, чтобы Виктор Викторович был прав.

Но в бюджете 2009 года при минимально возможном дефляторе 10% заложен экономический спад в минимум 11,5% – в пять раз больше.

Вот цена этим программам.

Вот как их разработчики относятся к этим документам.

Это документ фиктивно-демонстративный: «Нате, порассуждайте, отвлекитесь от проблем, а мы пока сделаем наши дела».

Про финансовый контроль там нет ни слова. Там сказано, что в банках введен контроль, а то, что его нет у клиентов этих банков, получающих господство, – это мелочи жизни, которые никого не волнуют. И про контроль за монополиями там сказана одна фраза, правда длинная, на две с половиной строчки, которая никого ни к чему, разумеется, не обязывает. Спасибо.

ПОПОВ. Михаил Геннадьевич, а скажите, пожалуйста, а коррупция – это элемент власти или она возможна и в частном секторе?

ДЕЛЯГИН. Сколько угодно. Вот, пожалуйста, Олег Максимович приводил вам яркий пример коррупции в частном секторе. Коррупция – это элемент управления, элемент принятия решений.

ПОПОВ. С какой коррупцией у нас собираются бороться, я не понял?

ДЕЛЯГИН. У нас реально идет борьба с коррупцией с 2007 года довольно интенсивно. Связана эта борьба с тем, что в условиях ограничения финансовых потоков сжимаются коррупционные потоки и растет конкуренция за них.

ПОПОВ. Если с этого, то точно. Помните, у Гоголя (мы отмечаем 200-летие со дня его рождения) там городничий воспитывает Свистунова. За что он его воспитывает? Не за взятки. «Не по чину берешь». Так что все программы антикоррупционных мер – это убрать тех, кто «не по чину берет».

ДЕЛЯГИН. Тем не менее во времена даже царизма, который был очень мягок, у нас не принимались стратегические решения на основе коррупционных интересов. У нас бывало, когда купцы откупались, чтобы железная дорога прошла мимо города Боровска и города Томска, и бывало, когда купцы давали взятки, чтобы прошла через их город. Но вот ситуации, чтобы строили железную дорогу так, как сейчас строят один замечательный трубопровод, который проходит тысячи километров по сейсмоопасной зоне, – такого не бывает. И когда это объяснили одному из инициаторов строительства, что там тысяча километров сейсмоопасной зоны, которая может просто уничтожить этот нефтепровод, тот сказал: «Замечательно. Прекрасно. Очень хорошо».

Потому что одно дело – построить нефтепровод и бояться, что он из-за воровства будет работать плохо. И совсем другое дело – строить нефтепровод, заранее зная, что он не будет работать из-за землетрясений, – это такой же рай для чиновника, как восстанавливать мосты во время чеченской войны.

С.А. СИТАРЯН,

*президент Международной Академии менеджмента,
академик РАН, д.э.н., профессор*

Буду по возможности краток. Я взял с собой одну вырезку из газеты, в которой перечисляется правительственная программа выхода из кризиса и дальнейшего развития нашей экономики и страны. Если кто-то не заметил или не придавал значения этим тезисам, я очень кратко, поскольку тут всего четыре или пять пунктов, если вы разрешите, их зачитаю. Вот с этим наше руководство выезжает в Лондон.

РЕПЛИКА. Думал – в Одессу.

Если бы в Одессу, я не стал бы вас утомлять. Значит, пять пунктов как бы новой правительственной программы, с которой Медведев, может быть, как здесь сказано, выедет в Лондон. Первый пункт. Введение новой мировой наднациональной суперрезервной валюты. Я думаю, что рассчитывать на принятие этого очень сложно, тем более когда есть доллары и Америка. Второе. Навести дисциплину в печатании и распространении нынешних главных валют – долларов и евро. Расширить число мировых валют. Вот с какими революционными предложениями мы едем, и все понятно, как это будет воспринято. Третье. Создать с участием Всемирного банка новые региональные финансовые центры, один из которых должен или может быть в Москве. Четвертое. Поставить под контроль бонусы, топ-менеджеров и открыть общий банк данных о недобросовестных директорах, финансистах и спекулянтах – великая мечта. Это все написано, но вопрос – сделано ли? И пятое. Создать международную комиссию авторитетных финансовых групп. Вот с такими предложениями, как пишет пресса, президент нашей страны выезжает в Лондон, и там он будет эти идеи озвучивать. С моей точки зрения, вряд ли какой-либо из этих пунктов может привлечь внимание той аудитории, которая себе-

рется в Лондоне. Поэтому мое предложение. Мы правильно делаем, что собираемся и обсуждаем эти проблемы, и еще правильнее будем делать, если на базе этих обсуждений какие-то выводы, какие-то предложения – пусть менее амбициозные, чем эти пункты, которые я вам озвучил, – мы передадим тем, кто занимается проблемой выработки той программы, без которой страна не выйдет из этого кризиса.

ДЕЛЯГИН. Вы сказали внести предложение о том, как выходить из кризиса? А кому эти предложения давать. Авторам вот этих предложений?

СИТАРЯН. К сожалению, других нет. Сразу в Лондон не поедешь.

ПОПОВ. Михаил Геннадьевич, вы правильно задали вопрос. Есть русская пословица «Не в коня корм». Это по поводу, кому давать предложения.

Все-таки история повторяется. Помните, началось все с чего? Началось с книжки. В самый интересный примерно такой же момент появилась книга, я вам напомню, одного известного автора «Перестройка для всего мира», а потом, когда мы собирались ехать в тот же Лондон, готовилось два доклада... Две разные группы сидели в Волынском. Мы со Степаном были в одной группе, и Примаков к нам приходил периодически. А другая группа была чисто партийная. И начало – первые три или четыре страницы были одинаковые, – а потом дальше, в одном шла речь: «Перестройка для всего мира», а в другом конкретно: «Ребята, дайте бабки». Если вы дадите вот так – мы сделаем вот так. Если вы делаете вот так – мы сделаем вот так. Все настолько повторяется. Только тогда мы не предлагали наднациональную валюту, а все остальное то же самое.

СИТАРЯН. Абсолютно то же самое. Но вы правы, что мы не предлагали наднациональную валюту. И вряд ли это предложение может быть сегодня принято. Даже рассмотрено может не быть.

РЕПЛИКА. Степан, по двум вопросам точно будет согласие. Первое. Ограничить бонус. И второй. Создать комиссию из гуру с высокими зарплатами.

СИТАРЯН. Это я допускаю.

ПОПОВ. Вообще в этой программе не хватает шестого пункта. Помните, чем всегда заканчивались дискуссии? А Черноморск должен быть объявлен вольным городом. Все встанет на свои места.

СИТАРЯН. Через два-три дня мы услышим это в развернутом виде.

Г.А. ТОСУНЯН,

президент Ассоциации российских банков, д.ю.н., профессор

Уважаемый Гавриил Харитонович, уважаемые коллеги! Вы, наверное, уже достаточно устали, и я хотел было воздержаться от выступления. Но в ходе дискуссии было высказано так много суждений, что даже одни комментарии тех пунктов, которые вызывают повышенный интерес, уже составили бы целую речь. Поэтому я все же решил выступить, хотя и постараюсь быть кратким.

Начну со слов Олега Максимовича, по мнению которого, обилие прогнозов и дискуссий – это путь к хаосу. Но вы знаете, дискуссии вырабатывают определенное коллективное мнение, и я отнюдь не согласен, что это путь к хаосу. Как раз, может быть, у нас очень большой дефицит диалога, который бы обеспечивал какую-то синхронизацию бытующих в обществе мнений с тем, чтобы потом выкристаллизовать наши общие цели и оформить пути их достижения.

Если экстраполировать такую позицию, то мы можем дойти до того, что и парламент не место для дискуссий. И в верхах, как вы знаете, есть такое мнение.

Но с другой стороны, если быть объективными, то, как преподнесена эта программа, свидетельствует в пользу того, что дискуссия необходима. Главное в том, что предлагается при обсуждении программы наполнить ее содержанием. То есть авторы не скрывают, что содержания в программе пока нет, но предлагают насытить им документ. Другое дело, кто будет потом это все прописывать...

ПОПЦОВ. Я имел в виду прежде всего количество прогнозов, которые делаются.

...Прогнозы, да. Но это все-таки взаимосвязанные вещи. Я понимаю, что вы как демократ являетесь сторонником дискуссии и выработки коллективного мнения.

У меня вызывает массу вопросов сама эта проблема, поскольку даже в среде людей, очень близких по уровню мышления, существует абсолютный разброс мнений по простым вещам, которые в принципе могут казаться очевидными.

Приведу пример. Сегодня уважаемый Николай Петрович говорит, что «беззалоговые кредиты – это дармовщина, которая дается банкам». А вы знаете, что именно беззалоговые аукционы – это своего рода форма рефинансирования, которая во всех странах присутствует как неотъемлемый инструмент управления банковской системой. Кредитор последней инстанции в случае возникновения кризиса ликвидности не должен требовать залоги, применять усложненные процедуры.

Если бы мы в срочном порядке не ввели беззалоговые аукционы (правда, в малоприемлемой форме, потому что тут не должно быть зашкаливающих ставок), то погасить кризис краткосрочной ликвидности было бы невозможно. А это было первейшей задачей. Кризис, образно выражаясь, был бы еще на 3–4 метра глубже, чем дно, на котором мы сегодня якобы находимся.

Как мне кажется, я являюсь серьезным критиком денежно-кредитной политики, которая проводится на протяжении длительного периода. Она не содержит стимулов к кредитованию действительно эффективных производств. Она дает стимулы к чему угодно. Под вывеской борьбы с инфляцией мы, используя советскую модель управления, постоянно распределяем ресурсы. Видимо, у нас тяга к этому сидит в генах: как можно больше собрав, распределять по своему «справедливому принципу».

Когда вы говорите о банках, в значительной степени объективной представляется критика в связи с тем, как создавалась система, как в этот кризисный период распределялись ресурсы. Например, 170 миллиардов, брошенных на поддержку фондового рынка, совершенно бессмысленно ушли в никуда. Но погашение кризиса ликвидности было как раз необходимо.

Вы понимаете, что я не являюсь апологетом и проводником интересов какой-то одной группы и противником фондового рынка. Просто есть вещи, которые, находясь внутри, ты знаешь и чувствуешь.

Но оказывается, что очень тяжело донести до широкого круга и ученых, и специалистов, не говоря уж о неспециалистах, саму логику того, что заложено в кредитной системе. Мы – как общество – занимались индустриализацией, коллективизацией, потом – приватизацией, но у нас всегда на втором плане оказывались механизмы, которые человечество веками вырабатывало. Я имею в виду механизмы кредитования, которые диверсифицируют риски, накладывают ответственность на каждого участника рынка, дают мотивацию каждой точке экономического роста, а не мотивацию только для бюрократии. В этом смысле я согласен с прозвучавшим здесь мнением о том, что эффективность работы госаппарата, с точки зрения тех мотивов, которые он сам себе определил, у нас довольно высокая. Единственное, с чем не могу согласиться, это то, что в советский период кто-то якобы ставил целью обеспечить и осчастливить население... Нет, цель была в том, чтобы сделать население максимально лояльным, терпимым... То есть угнетать его только до такой степени, которая гарантирует, что оно не взорвется и не снесет все и вся. Эффективной работы там не было. Если бы была эффективная работа, мы бы, наверное, не отстали на бесконечно долгое время от развитых стран.

Во всем мире, как сказал Владимир Иванович, ищут потребителей, а мы, наоборот, ищем монопольного производителя, в очередь к которому и выстраиваемся. Потому что у нас дефицитная экономика. Она заложена в нас. Весь мир попал в кризис от перепроизводства, в том числе по финансовым инструментам. Мы же как были дефицитной экономикой, так и остаемся таковой. Еще и с этой пресловутой доминантой монополий – вот единственный пункт, на котором, кажется, все мнения сошлись.

Мы становимся, соответственно, заложниками монополизации, причем и кризис используется для монополизации рынка. Сегодня концентрация финансов, концентрация ресурсов идет, чтобы легче было управлять той мотивацией, о которой здесь говорилось.

Поэтому, понимаете, сейчас очень важно понять истинные причины кризиса, которые в корне отличают нашу страну от остального мира. Россия – рынок ненасыщенный и очень емкий в плане и технологий, и оборудования, и инвестиций. Вместо того чтобы за-

ниматься его насыщением, мы, наоборот, всячески выталкивали наших заемщиков во внешний мир, распределяя внутри дефицитный финансовый ресурс, ставя себя в полную зависимость от экспорта углеводородов. И когда Виктор Викторович говорит, какая разница, от чего зависеть – от производства кукол Барби или от нефти, отвечу, что разница огромная. Лучше зависеть от Барби, потому что ее ты можешь завтра обменять на Чиполлино либо на какую-то другую продукцию. Ее производство все-таки требует определенного мышления. А экспорт углеводородов не требует особых умственных усилий. Он требует лишь умения управлять вентилями в прямом и переносном смысле слова.

Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что мы обсуждаем денежно-кредитную политику как источник финансового кризиса, а финансовый кризис как источник экономического кризиса. Из сферы финансов и кредита мы перенесли кризис в глубь экономики, и сегодня идет очень серьезное накопление негативных ожиданий как в материальном, так и в психологическом плане. Негативные ожидания для нашего рынка имеют особое значение.

Далее, обращаю ваше внимание на следующий, по-моему, яркий парадокс: у нас укрепляется рубль – цены растут, у нас падает рубль – цены растут. У нас постоянно при любом раскладе, при любом тренде валютного курса идут негативные ожидания. Любая же нестабильность уводит людей из национальной валюты, из банков в кэш и куда угодно, только не в официальный оборот. На это накладывается и высочайший уровень коррупции. Когда в Италии уровень коррупции достиг 10% откатов, то народ взбунтовался, и, кажется, теперь уже второе десятилетие они сметают коррупцию и мафию как класс, как паразитический слой. У нас этот уровень, по экспертным оценкам, доходит до 40%, а в некоторых отраслях, говорят, – хотя и трудно в это поверить, – но якобы до 80–90%.

А мы тем не менее продолжаем бороться с виновниками коррупции, видя их лишь в банках и коммерсантах. Когда мы оцениваем приватизацию или первичное становление системы – это одно, когда мы оцениваем сегодняшние проблемы, то давайте быть осторожными. Ведь можно все оценить одним чохом и потом ока-

заться перед дилеммой: с кем бороться-то? Все будут бороться со всеми – вот это самое опасное в обществе. Поэтому я полагаю, что сейчас самое время все-таки системно подойти к вопросу.

Подхожу к проблеме только под одним углом зрения – под углом зрения управления финансово-кредитным рынком. Я не вмешиваюсь в другие сферы, стараюсь не вмешиваться в политику. Но, как представляется, система управления должна иметь обратные связи, она должна быть выстроена по горизонтали, а не быть вертикалью, которая диктуется соответствующими распределительными моделями.

Горизонталь же как раз и основывается на денежно-кредитной политике, направленной на борьбу с инфляцией, но отнюдь не путем установления зашкаливающей процентной ставки. Это абсурд, когда нас уверяют, что можно при доходящей до 20% учетной ставке задавить инфляцию. Тогда я спрашиваю: коллеги, а почему не поднять ставку до 30, до 35, до 55? В этом случае мы вообще инфляцию подавили бы сразу.

Постоянно звучат «убедительные» аргументы, что инфляция – это, дескать, исключительно производная увеличения денежной массы в кредитном обороте. А то, что это производная в первую очередь роста бюджетных расходов, действий монополий с их тарифами, наконец, коррупции, почему-то не говорят. Как не говорят и о том, что как раз заемные средства всегда более жестко связаны и представляют собой гораздо более ответственные деньги, даже если они частично коррумпированы. Да, там тоже есть доля коррупции. Тем не менее это совсем другие масштабы.

А вот себестоимость товара прямым образом зависит от процентной ставки. Этого слышать не хотят. Даже уважаемый мною Евгений Григорьевич Ясин считает, что при увеличении кредитного оборота, конечно, увеличивается инфляция. И никак я его не могу переубедить.

Собственно говоря, я на этом закончу, потому что здесь можно еще затронуть очень много вопросов, но время уже не позволяет.

А.С. ГОРЕЛИК,

директор Информационного центра ООН в Москве

Я не взял бы на себя смелость выступать с комментарием в такой авторитетной аудитории, если бы мне не хотелось ознакомить вас с некоторыми событиями, которые сейчас происходят под эгидой ООН. Позволю себе сказать несколько слов, потому что уважаемый Гавриил Харитонович в своем вступительном слове говорил о вещах, связанных с мировым экономическим спадом и финансовыми неурядицами, и прозвучало несколько оценок и рецептов.

Прежде всего речь идет о том, что для Организации Объединенных Наций, как я вижу по брошюре Гавриила Харитоновича, у него есть несколько идей и предложений. Для ООН, хотим мы этого или не хотим, главная из проблем, которые касаются глобального положения дел, – это ситуация с самыми бедными, самыми отсталыми, самыми неразвитыми странами. Экстраполируя, можно сказать, что какие-то рецепты, которые выдвигаются для них, перекликаются с тем, что делается на национальном уровне в России. Вот только что, применительно к встрече в Лондоне, Генсек опубликовал свое письмо – и оно уже немножко наделало шума, потому что, по его словам, преуспевающие в мире страны должны выделить 1 трлн долларов на нужды бедных и развивающихся экономик за два года – в 2009 и 2010 гг. Отвечая на всяческие вопросы, его помощники уже разъяснили, что это и самые бедные страны, и просто бедные страны, и страны с переходной экономикой.

Главное, на мой взгляд, здесь не в цифрах – цифрами можно жонглировать. Я хотел вам сказать, как, по логике ооновского руководителя, распределяется эта большущая сумма. Значит, четверть суммы идет наименее развитым странам, то есть это самые нищие, те, кто, условно говоря, по российской статистике, живут ниже уровня бедности. Иными словами, те, кому все равно надо помогать, потому что иначе они не выплывут никак. Еще четверть

– на инвестиции в международном плане, чтобы повысить деловую активность прежде всего, упоминает он, на проекты инфраструктуры. Тоже параллель с Россией здесь есть, не буду останавливаться. А половина суммы... Речь идет о том, чтобы впрыснуть ликвидность в мировую экономику, стимулировать глобальную торговлю. Таким образом, элементы этой философской и одновременно практической линии – помощь самым бедным, кто сам не справится никак с мировым кризисом; впрыск ликвидности для стимулирования экономической активности и одновременно мировой торговли, и под этим соусом упоминается раунд Доха (многосторонние переговоры о новом торговом режиме).

Еще один момент, о котором мы сегодня совсем не говорили, – может быть, самое важное и самое свежее, – долгоиграющая и разветвленная идея о том, чтобы сопутствовать «позеленению» мировой экономики. Чтобы на выходе из кризиса хозяйства разных стран (прежде всего тех, кто претендует на развитость) переходили к технологическим решениям и к опоре на процессы, имеющие отношение к так называемому устойчивому развитию. Значит, создавать иные рабочие места, иные стимулы. Вот здесь сегодня говорили: а с чем выходить из кризиса? Выходить ли из кризиса просто так, чтобы достичь, условно говоря, дна и всплыть в том же месте, где входили в эту самую реку? Нет, по логике ООН, речь идет о другом. О том, чтобы двигаться в сторону более «зеленого», менее зависимого от углерода развития, создавать иные отрасли экономики, основанные на экономичной, возобновляемой энергии, на новых ее видах – вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

Последний элемент идей Генсекретаря – реформа глобальных правил и институтов – то же, что сейчас будет обсуждаться в Лондоне. В ООН создана специальная группа экономистов по перестройке международных экономических и финансовых структур. Инициировал ее не Генеральный секретарь, а председатель Генеральной Ассамблеи Мигель д’Эското, никарагуанец, человек левых взглядов, человек-сандинист. С его подачи создана группа, которую возглавил нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц. В конце прошлой недели она первые свои выводы принесла в ООН, а окончательный доклад будет сделан к встрече, которая намечена в

Нью-Йорке на 1–3 июня. Это будет Международная конференция по глобальному кризису и его воздействию на развитие.

Одни из ее рекомендаций достаточно интересны, даже если и спорны, а другие из ее рекомендаций – это повторение уже давно забытого старого. Понятно, что список новых идей не бесконечен. С другой стороны, по соображениям подчас радикализма, а подчас наоборот, политической корректности, периодически всплывают одни и те же вещи. Итак, первая рекомендация этой группы: 1% любого пакета антикризисных мер в любой развитой стране должен включать в себя дополнительную помощь развитию третьего мира. Не буду комментировать, это понятно. Главный смысл в том, чтобы не забывать, фокусируясь на собственных болячках (о которых мы сегодня говорили применительно к России), что многим в этом мире намного хуже, чем нам.

Второй элемент: опять-таки найти дополнительные ресурсы в мире на развитие. Речь идет о том, чтобы обеспечить немедленный дополнительный выпуск так называемых СПЗ – специальных прав заимствования Международного валютного фонда. При этом вспомнили, что еще в прошлом году было принято решение, чтобы Валютный фонд выделил этих самых СПЗ, которыми могут располагать развивающиеся страны, на 43 млрд долларов. Сегодня тоже говорили, кстати, о том, что решения принимаются, но не выполняются. Вот одно из них.

От этой рекомендации идет проброс к долгоиграющим мерам: сформулировано предложение, чтобы создать новую глобальную резервную систему, но на основе не какой-то национальной валюты (для большинства сегодня это химера – не буду повторять, почему), а значительно расширенных СПЗ. Экономисты во главе со Стиглицем считают, что эта идея осуществима, застрахована от инфляции и проста по замыслу. Страхovala бы вот эта новая глобальная система прежде всего возможные провалы нынешней основной резервной валюты.

Дальше идут идеи, о которых я уже говорил, что новое – это не совсем хорошо забытое старое. В том числе и вряд ли сейчас реализуемые вещи. Скажем, предлагают создать Глобальный совет экономической координации, причем внутри ООН, собирать его на

уровне глав государств, и это была бы «демократическая альтернатива» Группе двадцати. В сегодняшних условиях это явно фантазия. Пускай сама по себе идея великолепная, да и к наднациональному правительству, о котором сегодня говорил Гавриил Харитонович, надо думать, человечество так или иначе придет, но, наверное, не по итогам этого кризиса. И под этим Глобальным советом экономической координации создать два других органа. Один из них будет глобальный орган финансового регулирования, а другой – глобальный орган по вопросам конкуренции – вот это свежее и интереснее. Смысл этого органа в том, чтобы предупреждать спекулятивную скупку и продажу ценных бумаг, гармонизировать регулирование и, подчеркну, контролировать рост ТНК. Проблема ТНК возвращается, проблема, которой не занимается ООН с начала 1990-х годов, когда ветер подул в другую сторону и в ООН тоже стало довлеть мнение, что ТНК если «не белые и пушистые», то по крайней мере не безнадежные эгоисты, значит, с ними нужно иметь дело.

Последний блок – предложения, которые я еще даже не видел, потому что их только что озвучили в Нью-Йорке. Тема оживления мировой торговли. Большая, серьезная и продуктивная постановка вопроса. Понятно, что у экспертной группы есть неприятие протекционизма (конечно, и в Лондоне об этом будет сказано, выделено жирным шрифтом), а плюс к тому протест против субсидирования собственных отраслей экономики развитыми странами. Наконец, что касается июньской встречи в Нью-Йорке, мне очень было бы досадно, если в работе комиссии Стиглица недостаточно учитывалась бы пытливая мысль российского экспертного сообщества (по-моему, там от России никого нет). Может быть, по итогам сегодняшней дискуссии аккумулировать взгляды участников и через нас или через МИД России послать в комиссию Стиглица для того, чтобы вклад российских умов в ведущуюся борьбу и столкновение идей был ощутимее.

Д.Б. ЗИМИН,

почетный президент ОАО «Вымпелком», д.т.н.

Позвольте краткий комментарий к тому, что я услышал относительно двух популярных требований: во-первых, «делиться надо» и, во-вторых, «поддержим отечественную автопромышленность». Как и другие подобные требования, они имеют ограниченную область применения, и для выяснения границ этой области полезно применить предельный переход, показав абсурдность таких требований при их слишком широком толковании. Ну, например, «делиться надо, богатые должны помогать бедным деньгами». Но почему бы это дело не начинать со школы, заставив отличников делиться с двоечниками отметками в целях социального мира...

ПОПОВ. Лучше сочинения писать вместо них.

Деньги – это отметки. Деньги являются отметками в этой жизни или не являются? Поэтому если признать правильным лозунг: «Богатые, делитесь деньгами с бедными» – то почему не начинать со школы, потребовав, чтобы отличники делились с двоечниками отметками в целях социального мира... Понятно, что я, конечно, так шучу. Ну где-то должна проходить граница в этой дележке. Что же касается благотворительности, то ей занимается большинство успешных бизнесменов, а к старости, отойдя от бизнеса, – так и подавляющее большинство. При этом мне кажется, что занимаются они этим делом добровольно, по велению собственной души.

Теперь о лозунге насчет того, что надо поддерживать отечественную автомобильную промышленность, где работают сотни тысяч людей. Возьмем крайний случай: сотни тысяч людей плетут лапти... Давайте поддерживать: «Не допустим безработицы!»

ПОПОВ. Либо вообще ничего не делают...

Да. Либо плетут лапти. Давайте поддерживать плетение и, более того, закроем въезд в страну нормальной обуви, для того чтобы поддержать наше лаптеплетение. Где здесь должна проходить граница между разумностью и абсурдом?

Третье замечание. Я уже сказал, что самое яркое, что я сегодня услышал, это абсолютно правильное, умное, блистательное и, к сожалению, наверное, совершенно нереализуемое предложение Гавриила Харитоновича Попова... Ну чем черт не шутит – может быть, действительно... Правильно, все абсолютно правильно – я аплодирую этому предложению. Вот у него фраза: «Нынешний путь – путь в никуда, путь гибели человечества. Поэтому главное – создать глобальную перспективу», – заключение его статьи. А ведь очень может быть, что, отвергнув предложение Попова, Россия окажется лидером в этом увлекательном движении к гибели.

И, наконец, последнее. Тут много приходилось слышать всяческих экономических рецептов. Мне же кажется, что проблемы нашей страны не столько экономические, сколько политические. Дело в том, что будущее страны в решающей степени зависит от состояния очень узкого слоя людей, образующих интеллектуальную элиту. Это состояние в значительной мере определяется не только, а может, и не столько экономикой, но и уровнем свободы в стране, доверием этой элиты к государственным и гражданским институтам страны. Недавно были опубликованы результаты исследования Института мировой экономики РАН о причинах эмиграции ученых. Исследователи пришли к выводу, что большинство эмигрантов видит главную проблему не в состоянии российской науки, а в самой России – политически и экономически нестабильной, небезопасной и не умеющей ценить своих граждан.

Дело Ходорковского, Бахминой, посадки ученых, не приняв во внимание протесты наших академиков, – были и есть факторы, подталкивающие некоторых думающих молодых людей к эмиграции.

Если не удастся провести политическую модернизацию, ограничивающую произвол властей и коррупцию, внедряющую культуру добропорядочной конкуренции во все сферы нашей жизни, то будущее страны вызывает большую тревогу.

Ю.В. ЯКУТИН,

*научный руководитель ЗАО «Издательский дом
«Экономическая газета», заслуженный деятель науки РФ,
д.э.н., профессор*

Кризис – это не только сугубо отрицательное явление в жизни общества. В кризисе не все плохо, у него не только минусы, но есть и плюсы, он помогает избавиться от неэффективных, устаревших производств, дает возможность выдвинуться энергичным, предприимчивым людям. Кризис, можно сказать, – это органическая часть механизма обновления, поступательного развития экономики и общества. Мы же привыкли воспринимать кризис как явление сугубо отрицательное. Кризисы не надо только ругать – это явление объективное, и, наверное, в жизни человечества они еще будут, но человечество все-таки должно учиться на своих ошибках, и из этого кризиса мы также должны извлечь какие-то уроки. Но пока что страны, испытывающие кризисные явления, пытаются залатать дыры, ставшие их следствием, а это приводит лишь к тому, что кризис не лечится, его причины остаются, он будет вновь повторяться. Нужен иной вариант борьбы с кризисом, имеющий позитивный результат. Для этого важно извлечь из кризиса уроки, чтобы избежать его повторения. Современный кризис, как справедливо показал в своем докладе Г.Х. Попов, – это не кризис капитализма, рыночной экономики, это охватившее все мировое сообщество явление иного порядка. Кризис носит системный характер, и понимание этого должно нацеливать нас не на возврат к прошлому, а к приближению иного будущего.

Поэтому тема сегодняшнего обсуждения крайне актуальна. Во-первых, важно понять, можно ли говорить о мировом опыте как панацее от нашего собственного кризисного состояния. Ведь до сих пор в прессе, в выступлениях авторитетных общественных деятелей встречаются заявления о том, что мы мало используем в борьбе с кризисом опыт других стран. Но насколько применим такой опыт? Как его надо использовать? Что в нем главное? Пред-

ставляется, что именно в этих вопросах надо разобраться более обстоятельно.

Во-вторых, несмотря на происходящую глобализацию, усиливающееся взаимопроникновение экономических систем разных стран, их взаимное переплетение, взаимообусловленность и взаимосопряжение по отраслям, регионам и секторам, каждая страна отличается своим своеобразием в экономическом строе. Это своеобразие может заключаться в разном уровне экономического развития, в разном долевым сочетании одних и тех же структурных составляющих и т.д. И конечно, каждая страна с учетом своих особенностей, своего социально-экономического своеобразия и ограниченности имеющихся ресурсов должна выбрать оптимальный вариант преодоления кризиса. И зная мировой опыт, изучая его, мы все-таки должны предложить свою модель преодоления кризиса, подходящую к размерам нашей страны, уровню развития ее экономики, к решаемым нашим обществом задачам. Поэтому мировой опыт нельзя рассматривать в качестве панацеи.

Опыт антикризисных мер Франции, Испании, Англии, Америки различен. Мы с вами знаем, что часть этого опыта неприменима к нам. Е.М. Примаков сказал уже о том, что нам не подходит стимулирование внутреннего спроса, что мы не готовы к его увеличению, нам и готовить, собственно, нечего.

Когда мы разработаем собственные антикризисные меры, они также войдут составной частью в мировой опыт, станут общим достоянием. Но в то же время неправильно было бы полагать, что наша модель антикризисных мер будет полностью игнорировать мировой опыт. Она, разумеется, позаимствует какую-то его часть. Точно также нельзя полагать, что мировой опыт представляет собой простую сумму национальных достижений, опыта каждой страны в отдельности. Это признали уже руководители 20 крупнейших стран мира, подчеркнув в своих заявлениях, что настоящий кризис является кризисом глобальным. Значит, выход из него возможен при учете интересов соседей, партнеров, всей мировой хозяйственной системы, мировых хозяйственных связей. Из этого следует, что к национальным антикризисным мерам должны добавляться еще и меры, которые отражают взаимодействие стран на

межрегиональном, союзническом уровне, совокупности стран, тесно связанных друг с другом, представляющих в мировой хозяйственной системе крупный блок, такой, как, например, Евросоюз, союз Америки и Канады, АСЕАН, страны Латинской Америки, стран – членов СНГ. Опыт отдельных стран, как видим, не закрывает мировой опыт, не перекрывает его проблематику, так как на него влияют процессы глобализации и интеграции.

В словах «мировой опыт» я вижу более глубокий смысл, чем учет опыта разных стран. Тот, о котором говорит Г.Х. Попов в своем цикле публикаций в «Московском комсомольце», в статье в последнем номере из «Вопросов экономики» за прошлый год, в своих выступлениях на совещаниях экономистов. Мировой кризис – это кризис не мировой в смысле общепланетарном, а в смысле цивилизационном, кризис развития цивилизации, выбранного ею пути развития. Поэтому говоря об антикризисных мерах, важно иметь в виду, в чем они состоят, на что направлены, охватывают ли эту цивилизационную сущность кризиса. Тревожит то, что современный кризис нередко воспринимают лишь как кризис на потребительском рынке, в ипотечной деятельности, в финансовой сфере. Ныне большинство аналитиков ограничиваются в трактовке кризиса лишь его проявлениями на фондовом рынке. Но по мере углубления кризиса все отчетливее становится его всеобщая природа, его системный характер. Кризис ипотечного кредитования стал лишь исходной точкой, дал первоначальный толчок к цепной реакции кризисных явлений, в том числе и на фондовом рынке. А кризис на фондовом рынке перерос в кризис всей финансовой сферы, от которой волны кризисных потрясений охватили все части экономической системы.

Было бы, однако, неправомерно сводить разразившийся в мире кризис только к системному кризису в одной экономике. Нынешний кризис – это кризис всей системы современного общества, включая его мировоззрение, общественную жизнь, ценностные установки, а не только экономику, это кризис цивилизационный. Все человечество, вся мировая цивилизация идет в неверном направлении, и каждой крупной стране, представляющей ветви этой цивилизации, присущи свойственные ей общие ошибки и изъяны.

Прежде всего эти ошибки вызваны тем, что не учитываются назревшие уже новые потребности развития человечества, появление цивилизационных сдвигов в глубинных основах его существования.

Нельзя сводить кризис к резкому ухудшению экономических показателей. Разве в общественной жизни мы не переживаем кризис? Разве не страдают наши ценностные установки? Разве положение человека как творца, создателя, новатора не оказалось под угрозой? Поэтому сводить все антикризисные меры только к мерам экономическим было бы совершенно неправильным. Обсуждение мирового опыта антикризисных мер и позволяет преодолеть узкие экономические границы таких мер, взглянуть на их проблематику более широко, комплексно, всеохватывающе.

Цель антикризисных мер, к сожалению, часто сводят лишь к восстановлению докризисного состояния экономики. А надо ведь говорить о выходе из кризиса с ясным пониманием ее перспектив, предстоящего развития, новых задач и нового облика будущей экономики и всего общества. Необходимо иметь в виду ориентиры будущего, важно выходить из кризиса, ориентируясь на будущее, а не стремясь вернуться в прежнее состояние. Нужно выходить из кризиса, держа в голове тот идеал, который мы хотим достичь в XXII или в XXIII веке.

Кризис заставляет поставить вопрос о выборе вектора дальнейшего развития, так как это цивилизационный кризис. Куда же цивилизация – общемировая и каждая в отдельности – должна двигаться и что мы недоделали из прошлого опыта? Это деление у Г.Х. Попова явно не обозначено, но о нем все же говорится: есть стратегические задачи, которые человечество должно решать в XXI веке, и есть оперативные-тактические задачи, которые мы должны были решить в XX веке, но которые до сих пор не решены и достались нам в наследство.

Мне представляется, что если по этим двум направлениям провести ревизию всех антикризисных рекомендаций, то очень много интересного можно увидеть. Знаете, я очень сомневаюсь, что нашу сегодняшнюю экономику можно назвать рыночной. Не рыночная она, а квазирыночная, якобы рыночная, псевдорыночная. Рыноч-

ные законы в ней в чистом виде не действуют. Цена, стоимость, конкуренция, частная собственность – все это искажено. О каком рынке тогда можно говорить? Рынок под контролем государства – это не рынок. Рынок при отсутствии соревнования – это не рынок. Рынок при отсутствии безработицы – это не рынок. Безработица в рыночной экономике тоже должна быть, весь вопрос в ее объемах, размерах.

Следующий пример. Вот Н. Шмелев говорил о том, что мы должны в кредитно-финансовой сфере поработать, улучшить ее. А я думаю, что мы должны поработать над главными рыночными ресурсами, улучшить их использование. Земля, например, наше огромное богатство. Это сейчас рыночный ресурс или не рыночный? Сегодня он не под контролем ни общества, ни частного собственника, ни вообще законов рынка, это абсолютно коррумпированная область, где распоряжаются муниципалитеты, местные чиновники, и многих за их действия можно было бы сажать в тюрьму.

Землю надо делать рыночным на самом деле ресурсом. А может быть, исходя из логики той, которая здесь прозвучала, использовать иначе. У нас огромная страна, у нас денег нет для того, чтобы продать всю землю, у нас ее некому купить. Но может быть, стоит ее продавать или даже дарить нашим соотечественникам, которые готовы приехать из других стран, скажем, из той же Австралии. Предоставьте им землю на 100 лет бесплатно и без права продажи, скажите каждому: «Только работай! А поработаешь 20–30 лет, земля тебе достанется бесплатно». Приедут тогда из Казахстана и Узбекистана. У нас целые области обезлюдели: Псковская, Кировская, все северные, да и Рязанская, Орловская – пустые деревни стоят. Неужели мы не можем этот рыночный ресурс ввести в дело? Сейчас земли скупают те, кто имеет деньги, бросают их на произвол судьбы, чтобы позднее выгодно продать. Такое кризисное состояние рынка земли – это и приговор власти, и показатель коррупции, и показатель монополизма.

На заседании Международного Союза экономистов в Майами один из участников говорил о том, что иностранных инвесторов ни в коем случае нельзя пускать в стратегические отрасли. Выступает

потом театральный режиссер и приводит такой пример: «Скажите, а кто пасхальные яйца Фаберже для страны сохранил? Вот если бы мы их не дали вывезти, мы бы их не сохранили, потеряли, разбили или неизвестно куда продали». Для нас эти произведения искусства сохранены были благодаря иностранному инвестору, который приехал, купил, и потом через столько-то лет они снова к нам вернулись. Колокола, оказавшиеся в Гарвардском университете, также вернулись в Свято-Данилов монастырь. Если иностранный инвестор вложит деньги в энергетику, в металлургию, даже в нефть и газ, он разве завод, вышку с собой увезет, нефть с собой захватит? Почему же нельзя в стратегическую отрасль пускать иностранцев? Сохранят они наше достояние и производство лучше сделают.

Еще пример из мирового достояния. У нас опыт народного капитализма в восстановлении Германии совершенно не используется: 80–90% работников там были акционерами. Почему у нас сотрудникам не дать акции разорившихся предприятий? Почему государству не выкупить их акции и раздать коллективу завода: становитесь собственниками. Это ведь та же социальная поддержка населения, одна из ее форм. Такая система коллективного управления индивидуальной собственностью успешно работает в Англии, в США, Испании. И забастовок не будет, и люди будут трудиться на себя.

Дальше. Нам все время говорят, что нужна стабильность, стабильность, стабильность. Но нестабильность исходит и от наших властных структур. Я приведу пример своего предприятия. За восемь лет арендная плата в зданиях управления имуществом администрации Президента возросла в 30 раз. А где у нас эффективность производства возросла в 30 раз? Что у нас так изменилось? Сегодня арендная плата в московских офисах около Савеловского вокзала выше, чем в центре Нью-Йорка.

Мы абсолютно не используем и тот резерв, который может дать усиление экономических связей стран СНГ применительно к антикризисным мерам. Я недавно был в штате Вирджиния в Соединенных Штатах Америки. Встречаю фермера, который теперь на табачной фабрике работает. «Как вы отнеслись к тому, что Советский Союз развалился?» – «Плохо». – «Почему плохо?».

«Да у меня был хороший трактор – «Беларусь», работал без проблем. Такой трактор теперь не купить». Почему же мы не используем в полной мере такое наше конкурентное преимущество, как сложившиеся экономические связи стран ближнего зарубежья? Почему не восстанавливаем их? Кризис – это хороший повод экономически укрепить те региональные союзы, которые у нас уже есть. Это я привел один из примеров необходимых оперативно-тактических мер.

Практически все имеющиеся точки зрения на современный кризис уже высказаны, начинается повтор утверждений о природе финансового кризиса, недостатках банковских учреждений, роли государства в экономике, судьбе неолиберализма... Все это отличный материал для конструктивного обсуждения антикризисных мер. Здесь стоит обратить внимание на более детальный анализ многочисленных накопленных противоречий – между реальным капиталом и виртуальным, реальным сектором экономики и финансовой сферой, производительностью труда и его оплатой, противоречий в распределении доходов, в структуре занятости, безудержного потребительства и возможностей природной среды, растущего использования энергоресурсов и их запасов, противоречий мировоззренческого характера... Антикризисные меры пока что не учитывают всей палитры и всего объема выявившихся противоречий и диспропорций. Эти меры должны быть комплексными, системными исходя из того, что кризис нас настиг цивилизационный, всеобщий, а также должны ориентироваться на перспективы человечества.

Россия должна, опираясь на мировой опыт в таком его понимании, видеть и свои особенности развития в ней кризиса, вырабатывать соответствующие антикризисные меры. Так, нам говорят о необходимости продолжения рыночных преобразований. Действительно, многие из тех проблем, которые решаются в экономике рыночными механизмами, у нас оказались в запущенном состоянии. О недостатках наших рыночных отношений можно, например, судить хотя бы по тому, что у нас во время кризиса цены не снижаются, процентные ставки за кредит непомерно велики, обновления продукции не наблюдается. Практически все рыночные

экономические категории у нас искажаются высочайшим уровнем коррупции и бюрократизацией. Рынок подменен всевластием чиновников. Поэтому антикризисные меры в российской экономике необходимо, конечно, связывать прежде всего с тем, что после кризиса, да и для выхода из него, нужно дать свободу рыночным силам. То есть России для выхода из кризиса нужно одновременно решать две взаимосвязанные задачи – развития подлинно рыночных отношений и совершенствования рыночных механизмов в интересах эффективного функционирования постиндустриального общества. Эта двуединая задача более сложная, чем у других стран. К уже отмеченному надо добавить большую территорию страны, резкие региональные различия в экономическом развитии, низкую долю инновационной продукции. В общественном сознании сильно влияние доставшегося в наследство от советской экономики иждивенческих настроений, завышенных надежд на государственную поддержку. Все это сказалось на том, что Россия при не такой уж активной вовлеченности в мировое хозяйство страдает от кризиса, пожалуй, больше, чем другие страны. Это во многом как раз объясняется тем, что у нас недостаточно развиты рыночные механизмы в их классическом виде, не создана эффективная конкурентная среда, сложились суррогаты рынка, которые не могут в полной мере работать на нем. А государство не может действительно влиять на такие искаженные рыночные механизмы.

Для выхода из кризиса, повторюсь, нам надо двигаться вперед, придерживаясь, во-первых, вектора, соответствующего требованиям будущего развитого постиндустриального общества, а во-вторых, решая задачи, обусловленные недостатками нашего рынка – высокой его монополизацией, слабой конкурентной средой, давлением бюрократизма, коррупционностью.

Я считаю, что все ваши предложения, Гавриил Харитонович, которые касаются будущего мироустройства и миропорядка, рано или поздно состоятся, никуда мир от этого не денется. Но надо преодолеть одну главную проблему, которая сегодня замалчивается практически всеми, – проблему усиления потребительства в развитии общества. Поменялась последовательность звеньев производственной цепочки: производство – распределение – обмен

– потребление. Сегодня потребление встало во главе этой цепочки. Более того, можно сказать, что наблюдается гламуризация хозяйственной жизни. Гламур стал высшей стадией общества потребления и господствует над всем, давит на потребительские предпочтения, которые раздуваются рекламой, примером элитных и окружающих их слоев общества.

Эксперты ООН подсчитали, что, если стандарты, уровень потребления США, которые потребляют 30–40% мировых ресурсов, перенести на одну лишь страну – Китай, планета этого не выдержит. Стандарты жизни в США, на которые теперь принято ориентироваться, таковы, что требуемые для их обеспечения производственные ресурсы создают непомерную уже экологическую нагрузку на нашу планету. Мы задохнемся от вредных выбросов в атмосферу, погрязнем в отходах, если эти стандарты смогли бы перенять другие страны. Агрессивная среда обитания человека противопоказана тому будущему, которое хотелось бы видеть после выхода из кризиса. Энергоемкость, материалоемкость производства нужно снижать на основе новых технологий, новых источников энергии и материалов. Можно вспомнить, что во время проведения в Китае Олимпийских игр приходилось закрывать в Пекине некоторые вредные производства. Но теперь-то они вновь действуют – и что дальше? Экологические проблемы выдвигаются теперь на передний план. Кризис, как представляется, должен способствовать их решению.

Надо менять и стандарты потребления, и стиль потребления, отказываться от того, что нам рекламой навязано, что на самом деле не нужно. Малозатратная, малоэнергоёмкая, разумная рациональная экономика – вот что нужно сегодня, вот на что также должны быть направлены антикризисные меры.

И последний тезис. В.И. Ленин, когда переходил к новой экономической политике, нашел то звено, за которое нужно было потянуть, чтобы вытянуть всю цепочку проблем, – для нэпа это была торговля. Б.Г. Клейнер здесь очень правильно говорил о том, что сегодня главное звено в цепочке проблем – предприятия. Дайте им свободу, дайте возможность дышать, инвестировать, работать на спрос, реализовывать научные идеи. Ничего сегодня в нашей стра-

не этого свободно сделать нельзя, а значит, никакого прорыва вперед мы себе не обеспечим. Бесконечные чиновничьи проверки, рейдерские набеги, грабительские захваты собственности... Поэтому надо обеспечить свободу человеку-предпринимателю, свободу его самовыражению, свободу творчески работать на будущее, тогда, может быть, мы и увидим свет в конце тоннеля.

Крупницы мирового опыта, направленного на материально обеспеченное, свободное, находящееся в гармонии с природой развитие человека будущего, становятся очень важными и востребованными. Эти крупницы пока что трудно отыскать. Найдем ли мы их в Китае, в США в перечне антикризисных мер? Сказать трудно. Пока эти меры носят пожарный характер. В России поддерживаются программы развития национального здравоохранения, образования, демографические, что хорошо, хотя сделано лишь очень мало. У нас все же первостепенное значение придается спасению крупных банков, крупных предприятий. В США, во Франции больше внимания обращается на поддержку платежеспособного спроса населения, общественные работы. Но и этого недостаточно. То есть мировой опыт антикризисных мер, если смотреть на него с позиций будущего, микроскопически мал. И если сегодняшнее наше заседание рассматривать как начало обсуждения этой проблематики, то стоит, как представляется, вернуться к ней через год, проанализировав сделанное под углом зрения требований будущего, к которому стремится человечество. Нужно говорить в этом плане не о росте цен на нефть или объемов ее добычи, а о новых стандартах потребления, новых формах взаимодействия общества и бизнеса, бизнеса и власти, новых направлениях деятельности организаций гражданского общества, международных организаций, новых методах регулирования процессов глобализации.

Итак, речь должна идти о мировом опыте преодоления кризиса во всей цивилизации, во всех областях ее жизни, а не только об экономике и опыте отдельных стран. Из крупниц этого опыта складывается возможность достижения нового этапа зрелости нашей цивилизации как всего мирового общества. Поэтому вполне оправдан подход к преодолению нынешнего кризиса, предложенный

Г.Х. Поповым, трактующий его как кризис глобальный, требующий объединенных усилий человечества. Общечеловеческие усилия должны быть направлены не только на то, чтобы преодолеть экономический кризис, но и на то, чтобы продвинуться вперед по пути прогресса к тому будущему, которое нас ждет. Глобализация, интеграция, взаимное проникновение культур будут усиливаться, будет все более широким распространением информационных технологий, экономики знаний. Грани между странами будут смягчаться и со временем исчезать. Станут нарастать процессы демократизации, как и процессы формирования гармонически развитого, творческого человека будущего. И антикризисные меры должны содействовать появлению и усилению всех этих новых черт в жизни человечества.

В.М. ДАВЫДОВ,

*директор Института Латинской Америки РАН,
академик РАН, д.э.н., профессор*

Спасибо, Гавриил Харитонович. Сначала два небольших возражения, а потом попытаюсь поговорить про мировой опыт, поскольку эти два слова входят в название нашего круглого стола. Первое возражение Дмитрию Борисовичу. Дело в том, что мои жизненные наблюдения показывают иное. Это по поводу того, должны ли школьники делиться оценками. Мое поколение, мой класс, классы моих детей показывают, что отличники, как правило, не очень успешны во взрослой жизни. Обычно более успешными оказываются не совсем отличники или просто не отличники. Это первое возражение. Второе возражение уважаемому Гавриилу Харитоновичу. По поводу его революционного предложения относительно интернационализации природного ресурса... Ну, допустим, эта идея конструктивна, допустим, что Россия и мы с вами примем решение пойти по этому пути. Пойдут ли по нему другие страны? Пойдет ли по этому пути Бразилия? Пойдет ли по этому пути Китай? Согласятся ли с этим Канада и Соединенные Штаты? Отдадут ли они ресурсы своей Аляски под интернациональный контроль? Это как бы риторический вопрос.

Теперь о мировом опыте. Я думаю, что мы при всей серьезности того кризиса, который происходит, все-таки недостаточно серьезно к нему относимся. Вспомним, что на Давосском форуме прошлого года Кудрин весьма бодро отреагировал на возможную угрозу кризиса для России, заявив, что из-за подготовленной «подушки безопасности» нам не страшен «серый волк». Нам-то, уже знакомым сегодня с крупными издержками кризиса, важно понимать, что это – первый действительно мировой кризис эпохи глобализации. Это – кризис особого качества, поскольку эпицентр его находится в самой развитой и вроде бы самой сильной экономике, тогда как раньше было несколько иначе. Ведь эпицентры кризиса последние десятилетия возникали в, казалось бы, слабых звеньях –

на периферии и полупериферии. Я думаю также, что совершенно напрасно говорили, что этот кризис финансовый. Очевидно, что он общеэкономический и, может быть, как здесь говорили, системный. А впрочем, вспомним, какие кризисы начинались не в кредитно-банковской и биржевой сфере. Ведь это традиционное начало, за которым следовала дестабилизация «реальной экономики». Поэтому попытка ограничить и антикризисные меры, и реакцию на этот кризис мерами, которые связаны с кредитно-банковской системой, – подход совершенно непродуктивный. А коли так, то, не понимая масштаба, сути, исторического значения кризиса, мы будем предлагать неадекватный пакет антикризисных мер. Это так, если рисовать крупными мазками, и это так, когда мы доходим до деталей. Например, когда предлагается накачивать банки ликвидностью... Тут очень горячо выступал Тосунян, высококвалифицированный и высокоавторитетный специалист, в защиту нашей банковской системы. Но спрашивается: как можно было эти меры осуществлять, не сопровождая их более жестким контролем, не ставя ограничителей на пути утечки капитала?! Она составила порядка 120 млрд долларов в прошлом году. На одном Кипре в конце прошлого года осело 24 млрд. Оценка на нынешний год – 80 млрд. Но думаю, если по части контроля вопрос не сдвинется с мертвой точки, не будет выстроена какая-то система ограничителей, то эта цифра будет существенно больше.

Теперь хочу обратиться к зарубежному, в данном случае латиноамериканскому опыту, поскольку отношу себя к специалистам по этой теме. Мы часто смотрели на него свысока, теперь нам нужно поменять оптику в подходе к латиноамериканскому опыту. Сначала о том, как реагировали латиноамериканские страны (а их 33) на нынешний кризис, какие легче его переносили, какие переносили сложнее. Те, кто ближе всего к США, кто односторонне завязан на Штаты, переносят хуже – прежде всего Мексика, ну и энное число центральноамериканских стран. Те же страны, которые в годы «тучных коров» (2002–2007 годы) сумели привести в порядок, санировать и консолидировать кредитно-банковскую систему, выглядят заметно благополучнее. Это сделала Бразилия, это сделала Чили. Лучше держатся те, кто диверсифицировал свою внешнюю

торговлю и географически сместил ее на более динамичные рынки, а именно восточные. Более того, те, кто диверсифицировал внешнюю торговлю по номенклатуре, подняв долю готовых изделий и даже изделий, связанных с высокой технологией. Те легче переносят, те более стойки к вирусу «кризиса». И это то, что, к сожалению, не было сделано в России. Да, мы уменьшили внешнюю задолженность, которая, конечно же, осложняет выход из кризиса. Но у нас возросла корпоративная задолженность. В Бразилии государство следило за этим, поэтому корпоративная внешняя задолженность не приобрела столь опасных масштабов. В Бразилии произошла консолидация банковской системы. Сегодня размеры активов в бразильских банках несопоставимы с активами российских банков. Несопоставимо и количество банков, действующих в Бразилии, с количеством банков, которые расплодились в России.

Хотел бы обратить внимание на то, на что, к сожалению, мало обращается внимания. Много у нас теперь говорится о коррупции. Да, это – тяжелый порок и даже рок. Но, господа, пакет антикризисных мер, даже если вы выработаете эффективные антикоррупционные механизмы, будет ущербным, будет неэффективным, если в число первых приоритетов в этом антикризисном пакете не будет поставлена борьба с криминалом. Говорилось тут о том, что кризис сопровождается переделом собственности. Вспомните, мы в 90-е говорили об эффективном собственнике. Мы так и не получили эффективного собственника. Теоретически мы можем надеяться, что в ходе кризиса – и это логично – может произойти естественный отбор в нашем предпринимательском классе. И вроде бы может выиграть от этого предприниматель шумпетерианского, конструктивного типа. Мы надеемся, что таким образом утвердятся обновленческий, инновационный приоритет в психологии нашего предпринимательства. Но я боюсь, что произойдет противоположное. То есть мы получим еще менее эффективного собственника. Меня поразил один факт – недавний рейдерский захват нефтеперерабатывающего завода в Ростове, который уподобился боевой операции. Это, на мой взгляд, должно было оказать серьезное психологическое воздействие на власть. Но во многих

неблагополучных регионах «общак» порой выигрывает, «общак» перехватывает предприятия. И вот это уже угроза не только экономике, это – угроза национальной безопасности России. И это, если хотите, вызов государству как институту, якобы монополисту насилия.

Мне бы тем не менее хотелось бы закончить на оптимистической ноте. Здесь Щербаков говорил – у него довольно пессимистическая оценка была: «Ну вот, решим мы переключить ресурсы на инновационный путь развития. Ну вот, мы мобилизуем эти ресурсы... Куда мы их будем направлять? Где у нас приложимы такие ресурсы?» Ведь у нас, по его мнению, ничего не осталось. Не совсем могу согласиться с этим. При всем разрушительном эффекте, который мы получили в 1990-е годы, и эрозии, которая продолжалась, к сожалению, в нынешнем десятилетии, есть предприятия и есть продукты, с которыми можно работать. И совсем не обязательно, чтобы они были, скажем так, олицетворением будущего. Нет. Так, у нас сохранилась вертолетная отрасль. Да, мы очень много потеряли в авиации. Но вот пример Бразилии – там фирма «ЭМБРАЭР» сейчас третий авиационный производитель в мире. За 15 лет этот эффект был достигнут. За 15 лет «ЭМБРАЭР» вышла на третью позицию после «Боинга» и «Эйрбас». В 2008 году продано почти 200 самолетов. Сравните с тем, что у нас есть. Оказывается, подобный результат возможен даже при таких условиях, как это было 15 лет назад в Бразилии, – в условиях не очень, скажем так, цивилизованного рынка, который существовал в этой стране.

Я думаю, что в Латинской Америке есть серьезная перспектива для сбыта российской вертолетной техники. Я ведь руководствуюсь тем, что Мексика, Колумбия, Венесуэла, Перу, а теперь еще и Бразилия закупают у нас вертолеты. Одно из направлений специализации нашей промышленности на мировом рынке должно быть связано с вертолетостроением. Здесь возможен прорыв на мировые рынки. Также очевидно, что сохранена в значительной степени конкурентоспособность по производству энергетического оборудования. Я знаю, что «Силовые машины» выигрывают тендеры в латиноамериканских странах. Я знаю мнение бизнесменов и экс-

пертов с той стороны, которые весьма заинтересованы в закупках этого оборудования. Обратимся к атомной энергетике. Время расставляет все по своим местам. В условиях роста энергодефицитности многих экономик мира проходит комплекс страха перед ядерной технологией. А мы сохраняем достаточную конкурентоспособность в атомной энергетике, мы способны нарастить здесь свой потенциал.

И последнее. Кажется, опять же Щербаков с иронией заметил: «Нам много теперь говорят о нанотехнологии. Говорят, что туда надо много вкладывать. А покажите мне хотя бы один продукт, который конкурентоспособен и который действительно может быть эффективно размещен на рынке». Я по стечению обстоятельств видел такие продукты, которые производит наша промышленность. И один продукт продвигается на чилийском и бразильском рынке. Это – нанопорошок, который восстанавливает моторесурс без ремонта. Заинтересованность в нем возникает именно в кризисные времена, когда у предприятий нет возможностей обновлять оборудование и желательно продлить ресурс действующей техники.

Кризис проведет естественный отбор и отсев не только на национальных рынках. Он произведет его на мировом рынке. И структура доминирования на нем в посткризисный период будет если не существенно, то заметно иной. Предпосылки этого мы видим в динамике развития корпораций из зоны БРИК, росте их влияния в транснациональном бизнесе. Ну, своими мы не очень можем похвастаться. А такие корпорации, как «Леново» (Китай), «Тата» и «Инфосис» (Индия), КВРД (Бразилия), пользуются этим кризисом в целях скупки дешевых активов за рубежом. Китай вообще возвел это в ранг национальной политики. Китай создал специальную организацию и механизм для аккумуляции средств с целью скупки активов, в том числе в развитых странах. Не знаю, можем ли мы вести аналогичную игру. Конечно, мы не Китай. Увы, в этом смысле и не Индия, к сожалению. Но все же хотелось бы, чтобы пусть не первыми в этом ряду, но все же в этом ряду, мы вышли в посткризисный период не только с потерями, но с приобретениями. Спасибо за внимание.

М.В. ФЕДОРОВ,

*ректор Уральского государственного экономического университета,
д.э.н., профессор*

Коллеги! Во-первых, поздравим Гавриила Харитоновича с важным событием: 14 марта 2009 года он стал лауреатом премии Евразийского экономического клуба ученых. Безусловно, это признание Г.Х. Попова и как ученого, и как президента Вольного экономического общества и Международного Союза экономистов, которые стали важной площадкой для дискуссий, выработки решений, анализа и прогноза экономических процессов.

Что касается обсуждаемой проблемы глобальной экономики, то мне представляется, что кризис имеет две стороны. С одной стороны, это возможность пересмотреть и оптимизировать хозяйственную деятельность каждого предприятия, каждой организации, с другой – сформировать новую модель экономического развития мира, государства.

Это небольшая преамбула. Что касается вопросов, которые, на мой взгляд, являются чрезвычайно актуальными в настоящее время, я бы выделил следующие.

Первое – внимание власти должно быть приковано к инфраструктурным изменениям в России. Россия нуждается в том, чтобы в инфраструктуру страны вкладывали серьезные деньги. И вот почему: мы утверждаем, что в основе экономики должны быть нанотехнологии, биотехнологии, IT-технологии. Это направления экономики развитых стран. Но я должен сказать, что завтра мы не станем ни Америкой, ни Европой. Мы сегодня являемся сырьевой страной и завтра будем тоже сырьевой страной. Почему? Потому что невозможно из одного технологического уклада в одночасье перепрыгнуть в другой, и в сырье нуждается весь мир. И если говорить о сегодняшнем дне, то я должен сказать, уважаемые коллеги, что за 20 последних лет инфраструктуру сырьевого обновления мы не заложили. Скажу о своем Уральском регионе – относительно многих месторождений полезных ископаемых говорят: там, где

была гора Высокая, сегодня – яма глубокая (высокогорное месторождение железных руд). Большинство месторождений полезных ископаемых на Урале уже выработаны. Развитие сырьевой базы на Урале невозможно без освоения северных территорий. Поэтому когда мы говорим о создании программы «Урал промышленный – Урал Полярный», имеем в виду прежде всего развитие инфраструктуры. Данная проблема касается использования и лесных ресурсов, и пашни.

Второе – это изменение банковской системы. Я думаю, что об этом говорилось много и не буду повторяться.

И третье. Зона особого внимания в условиях кризиса – это наука и образование. Вы прекрасно понимаете, что сегодня образовательная система существует благодаря потенциалу педагогов. Сегодня в вузах практически исчез научный потенциал. Я могу привести данные по ряду учебных заведений. В УГТУ–УПИ количество научных сотрудников сократилось в разы. В УрГЭУ работало более 250 научных сотрудников в НИИ, научных центрах, сегодня – до 10 человек. Не развита материальная база подготовки специалистов в профессиональных учебных заведениях. Плюс тот беспредел, который творится в профессиональном образовании. Я имею в виду колоссальное количество коммерческих учебных заведений, которые не дают качественного образования, а выдают государственный диплом. И их количество растет с каждым днем. Вот это, я бы сказал, третья серьезная проблема, которая требует скорейшего решения.

Еще один момент. Я хотел бы поддержать уважаемого Клейнера Георгия Борисовича. Надо согласиться, что понятная стратегия развития должна быть и у страны, и в регионах, и у предприятий. Исчезла и культура планирования, системы менеджмента качества внедрены на единицах предприятий.

В целом должен сказать, что роль экономической теории и практики сегодня необычайно важна. И в этой связи, коллеги, есть вопрос, который кажется мне также очень важным для активизации экономической мысли и формирования сообщества экономистов. Гавриил Харитонович, есть у нас День финансиста, День бухгалтера. Нет Дня экономиста. Я считаю, что должен быть Ме-

ждународный день экономиста, который можно инициировать Международным Союзом экономистов.

О мероприятиях в мае с. г.

В мае этого года мы в УрГЭУ проводим ШОС–2039, причем вместе с Гавриилом Харитоновичем – он один из учредителей данного мероприятия совместно с Евроазиатским экономическим клубом ученых. Почему ШОС–2039? Средний возраст студентов – 21 год, средний возраст глав государств – 51 год. И мы решили послушать, о чем будут говорить будущие руководители государств, какие задачи будут ставить через 30 лет. Создаем на этой основе молодежное объединение, которое будет работать на постоянной основе. На следующий год будет ШОС–2040 и т.д. Организацией этого мероприятия, уважаемые коллеги, мы будем заниматься все вместе. Я думаю, что это позволит объединить молодежную экономическую мысль и, соответственно, те мысли, которые рождаются в этом зале. Спасибо, коллеги!

ПОПОВ. Здесь еще есть ректоры, и думаю, что насчет молодежи вы правильно сказали.

А.А. ШУЛУС,

*ректор Академии труда и социальных отношений,
заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор*

Гавриил Харитонович, я хочу вас от души поблагодарить за высокую оценку деятельности Академии труда и социальных отношений в связи с ее 90-летием. Виктор Наумович Красильников и Леонид Иванович Абалкин были у нас главными выступающими. Как представитель старейшего профсоюзного вуза я должен говорить о человеке труда. Мне кажется, что нужен пакет антикризисных мер, направленных не только на финансовую систему и крупнейшие корпорации, но и непосредственно на сохранение человеческого потенциала общества. В этой связи три принципиальных вопроса: почему это важно? сколько это стоит? что нужно делать?

Итак, **тезис первый.** Владимир Иванович Щербаков во время первой половины дискуссии сказал, что мы теряем конкурентные преимущества в виде дешевой рабочей силы. Я, напротив, считаю, что это одна из внутренних причин российского кризиса: заниженная цена труда в нашей стране привела, с одной стороны, к сужению внутреннего рынка, отсутствию широкого спроса, а с другой – имела своим следствием суженное воспроизводство человеческого капитала. Этим во многом объясняются наши проблемы инновационного плана: откуда же взяться идеям, мотивации, энергии при зарплате, которая в 8–10 раз уступает доходам коллег на Западе?!

Тезис второй. Опять же цитирую Владимира Ивановича, который говорил, что мы балуем людей, что идет некое заигрывание с массами в рамках антикризисных мер и это надо прекращать. Все-таки много или мало мы тратим на человека? В официальной антикризисной программе правительства человек провозглашен главной целью. Однако в антикризисном пакете непосредственно на человека выделяется около 15% средств. В реальности, я думаю, будет еще меньше. И это на фоне огромного нашего отставания

ния от развитых стран по показателям абсолютных расходов на душу населения. К примеру, по оценкам ученых Академии труда и социальных отношений, на одного россиянина в год приходится примерно 100 долларов расходов в сфере здравоохранения, а на одного американца – около 2000 долларов. Аналогичная ситуация и с другими социальными показателями. Почему так получается? Во-первых, доля соответствующих социальных расходов в ВВП у нас 2–3%, у них – 4–6%, во-вторых, сам ВВП у них больше в 12 раз. Правда, их население превышает наше в 2,1 раза. Поэтому план Обамы на порядок социальнее и по форме, и по масштабу. Кстати, в нем шесть разделов: 1) создание рабочих мест с использованием чистой, эффективной американской энергетики; 2) трансформация экономики с помощью науки и технологии; 3) создание возможностей для малого бизнеса; 4) модернизация инфраструктуры; 5) повышение эффективности работы правительства (с упором на экологию и социальные вопросы, касающиеся госслужащих); 6) образование для XXI века. Вот это действительно социально ориентированная программа выхода из кризиса.

Тезис третий. Что нужно делать для обеспечения расширенного воспроизводства человеческого потенциала общества в контексте кризисных условий? Рассмотрим эти меры применительно к трем главным социальным группам: молодежь, среднее поколение, ветераны труда.

Мера первая. Для молодежи необходимо обеспечить повышение доступности и качества системы профессионального образования. У нас в постсоветский период уже возникли колоссальные барьеры на пути доступа человека к нормальному образованию. Во-первых, это платность, которая отсекает значительную часть населения, не обладающего соответствующими доходами. Во-вторых, это новации в сфере управления образованием, в частности ЕГЭ. По нашим оценкам, ЕГЭ может отсечь в этом году от образования порядка 200–300 тысяч молодых людей. Спрашивается: правильно ли выбрано время? В кризисных условиях в обществе образовательная система должна выполнять социально-демпфирующую роль, функцию амортизатора, смягчающего кризисные удары. Именно так поступают в развитых странах. Лозунг

простой: лучше на студенческой скамье, чем на скамье подсудимых или на баррикадах. Давайте посмотрим, что может получиться у нас к осени: 200–300 тыс. молодых людей, которые, покинув школу, не пришли в вуз вследствие ЕГЭ и не получили работы из-за кризиса. В XVII веке в Англии была система огораживания, когда крестьян гнали в города на заводы в качестве дешевой рабочей силы. Мне представляется, что ЕГЭ также задумывался не столько как средство борьбы с коррупцией (в данном случае она плавно перетекает на другой уровень), а как метод отсеечения значительной массы населения от высшего образования для того, чтобы средний, простой человек шел работать на заводы и фабрики российского капитализма. Однако это в российских условиях наложилось на кризис, и в результате, «огораживая» людей от образования, мы выталкиваем их в никуда. Это недопустимо хотя бы с точки зрения самосохранения власти: нельзя допускать возникновения «гремучей смеси» уголовников (их, как известно, амнистируется порядка 20 тысяч) с недоучившимися людьми в условиях социального напряжения и кризиса. Помочь разрешить эту проблему призвана образовательная система.

Мера вторая. Образовательные кредиты. На недавнем Съезде ректоров Президент РФ Д.А. Медведев говорил о 40 тысячах студентов, которым нашли образовательные кредиты. Вспомним о масштабах: у нас 7 млн 300 тыс. студентов, из них 58% «платников» – это около 4 млн 200 тыс. человек. 40 тысяч – это капля в море, вернее, это капля масла на раскаленную сковородку. Поэтому ректор МГУ В.А. Садовничий прав: надо создавать национальное агентство по образовательному кредитованию.

Мера третья. Предоставление первого рабочего места для выпускников различных уровней системы профессионального образования. Это должно стать общероссийской программой, приоритетным национальным проектом, реализовать который следует через квотирование рабочих мест и налоговые льготы предпринимателям. Мне кажется, что количество трудоустроенных молодых людей и есть мерило истинной социальной ответственности бизнеса.

Мера четвертая (касается уже среднего поколения). Корпоративные программы профессионального переобучения. В условиях

недостаточной загрузки предприятий, укороченной рабочей недели можно было бы использовать, скажем, два дня в неделю для соответствующих учебных занятий. В мире такая практика есть. К тому же у нас всего 3% высококвалифицированных рабочих. Эту цифру часто озвучивает Евгений Максимович Примаков, который подчеркивает, что для инновационного развития нам нужно как минимум 50%. Так давайте учить сейчас! Средства на это затратятся меньшие, чем на увольнение человека с выходным пособием, а затем с расходами на поиск нового персонала и его адаптацию.

Мера пятая. Повышение профессиональной мобильности населения. Надо ли объяснять в этой аудитории, почему в Москве на одного человека приходится 20 вакансий, на Кавказе на одну вакансию – 450 человек?! Значит, следует повышать профессиональную мобильность людей. Для этого нужны подъемные, соответствующий рынок жилья. В антикризисной программе говорится о 15 тыс. человек, которым правительство собирается обеспечить профессиональную мобильность. Напомню, что у нас в народном хозяйстве занято без малого 70 млн человек. Это опять же к вопросу масштабов запланированных мер.

Мера шестая. Общественные работы. Обязательно надо это использовать, особенно в плане развития инфраструктуры. До меня уже говорили: пусть люди строят дороги, пусть ремонтируют ЖКХ – это как раз то, что сейчас нужно.

Мера седьмая. Реформа системы налогообложения. Необходимо сдерживать процессы безудержного расслоения населения, особенно в кризисных условиях. В 2007 году 55 млн работающих россиян имели годовой фонд зарплаты суммарный меньше, чем накопленное состояние у 100 миллиардеров из российского списка Форбса. Плоская шкала налогообложения воспроизводит не средний вклад, а дифференциацию: на одном полюсе – миллиардеров, а на втором полюсе – нищету. «Железный» характер этого закона мы всему миру доказали.

Мера восьмая. Расширение участия трудящихся в акциях, так называемая система ЭСОП. Об этом также говорилось сегодня. Я видел в Австрии прекрасный опыт того, как работает эта система. Существуют специальные фонды, которые управляют акциями трудового коллектива.

ва. Знаете, почему отдают коллективу 10% акций? Это – защита от недружественного поглощения. Когда у коллектива есть 10% акций, ясно, что уже нельзя им безраздельно управлять.

Мера девятая. Повышение роли профсоюзов. Профсоюзы сейчас свою позицию активизировали, и даже критики меняют свое отношение к ним. Роль РТК (Российская трехсторонняя комиссия), функции соответствующих партнерских комиссий на других уровнях важны как никогда. Существует проблема реформирования законодательства о забастовках. Мы не призываем к ним, но у нас самое заформализованное законодательство, в соответствии с которым забастовку просто невозможно объявить. С одной стороны, мы крайне либеральная страна, а с другой – институты гражданского общества лишены элементарных прав.

Мера десятая. Касается ветеранов труда. Актуальный вопрос – расширение корпоративных пенсионных программ. Сейчас действует ограничение – их объем не должен превышать 12% от фонда оплаты труда. Думается, что это ограничение нужно снять. Если человеку осталось год-два до ухода – проводите его на корпоративную пенсию досрочно. Опять же, это будут меньшие затраты, а также колоссальный эффект.

Мера одиннадцатая. Лекарственное обеспечение. Население нуждается в лекарствах. Сейчас поставлена очень «амбициозная» цель: к 2020 году контролировать хотя бы 50% отечественного лекарственного рынка. А сейчас у нас 90% рынка отдано на откуп иностранным компаниям.

Я заканчиваю философским экскурсом в контексте идеи Гавриила Харитоновича о всемирном правительстве. Я солидарен с его мнением и думаю, что в основе здесь три главных фактора.

Фактор первый – это потребительство с его губительными последствиями. Именно не потребление, а потребительство. Развитые страны не могут и не хотят себя самоограничивать. И в этом драма Запада. Они говорят: «Да, мы понимаем, что мы потребляем непропорционально много, но вам этого делать нельзя. Земля всех нас не выдержит, но мы как-нибудь будем это дело продолжать».

Фактор второй – это кризис западной системы индивидуализма с его искаженной системой координат общественных отношений.

Я часто бываю на Западе, и мне кажется, что мы существуем в разных измерениях. Что их больше всего беспокоит? Права сексуальных меньшинств, однополых браков, эвтаназия. С позиции индивидуалиста, наверное, это очень острые проблемы. А с точки зрения человечества, глобального общества? Поэтому я считаю, что кризис индивидуализма неизбежен, поскольку невозможно реализовать общественный, давно назревший интерес, в результате чего глобальные проблемы не решаются.

Фактор третий – это экология. Хотим мы того или нет, социалисты мы или либералы, но наступит такой момент, когда перестанет хватать воды, когда земля просто действительно может рухнуть. Тогда люди будут вынуждены взяться за руки и сказать: «Либо мы все вместе выживаем, и тогда нам нужно принимать глобальные решения, ограничивать частную собственность, отказываться от индивидуализма и сверхпотребления, либо всем нам наступит конец – и правым, и левым, и белым, и черным». Поэтому я уверен, что социализация общества, глобализация управления неизбежна и объективно обусловлена.

Большое спасибо за внимание.

А.А. НОВИКОВ,

президент группы компаний «Наша власть»,

главный редактор журнала «Наша власть: дела и лица», к. фил. н.

Уважаемые коллеги! Я хотел бы вернуться к проблемам реалий нашего кризиса, потому что здесь все больше стали звучать глобальные вопросы. Меня очень беспокоит сложившаяся ситуация как на промышленных предприятиях, так и в структурах реального бизнеса. Что на самом деле происходит сегодня? Один факт. Реальные сложности с оборотными средствами. Вспомним недавнее заявление вице-премьера Алексея Кудрина о том, что следующая волна кризиса будет связана с невозвратом банковских кредитов. А что такое невозврат банковских кредитов? Это путь к банкротству предприятий. И можно много рассуждать, но самая острота будет, и я согласен с выступающими, апогей – это сентябрь-октябрь. Рост банкротства – рост безработицы. Увеличится количество предприятий, которые встанут. Отсюда – социальная напряженность. Уже сейчас суды забиты исками, которые трудно удовлетворить. Я ни в коей мере не склонен нагнетать ситуацию. Но кое на чем хотел остановиться. Здесь прозвучала мысль, что у нас занижена цена рабочей силы. Я считаю, что у нас не занижена цена рабочей силы, у нас цена рабочей силы такова, какая она есть. Нельзя говорить о нашей заниженной рабочей силе в общем. У нас крайне низкая производительность труда. Один пример из области информационных технологий. Создать единицу продукции в виде интернет-сайта в Москве в 1,5 раза дороже, чем в Берлине. О какой рабочей силе мы говорим? Возьмите, к примеру, то, что происходит с 2009 г. в бюджетной сфере – так называемая новая система оплаты бюджетников. Если раньше бюджетник мог взять 1,5–2 ставки (медперсонал), то сейчас по новой системе они могут работать только на ставке. И это происходит сплошь и рядом... Кто и каким образом устанавливает цену рабочей силы тем же бюджетникам? В бизнесе же этот процесс идет по своим схемам. Все-таки элементы рынка и конкуренции здесь как-то рабо-

тают. Но в целом это крайне серьезный вопрос, который во многом затрагивает интересы, в общем-то, практически всех трудоспособных людей.

Особо вызывает беспокойство состояние малого бизнеса. У нас вообще малый бизнес в зачаточном и подвешенном состоянии и у нас крайне слабый малый бизнес по многим причинам и основаниям. Ведь что такое малый бизнес? Это инициатива конкретных людей, которые в какой-то степени пытаются что-то создать или что-то сделать для того, чтобы обеспечить себя и своих работников. То есть создать какой-то продукт или товар, который был бы конкурентоспособным и пользовался спросом. Это касается прежде всего сферы информационной деятельности, где есть и производство, и услуги. Я с уважаемым господином Щербаковым согласен. Он производственник, и, на мой взгляд, у него совершенно верная позиция. Нельзя говорить: «В России заниженная цена рабочей силы». Цена рабочей силы в Москве такая, в Дагестане – другая. Там крайне высока безработица. А если говорить в целом о цене рабочей силы, то надо ее увязывать с результатами труда, то есть с производительностью. О чем мы пока мало говорим.

Вот тут с жаром говорили, что у нас полстраны пустует, но мало кто и переселяется в нашу страну. Программа переселения соотечественников во многом провалена. Казалось бы, Калининградская область наиболее близка к Европейскому союзу, но люди и туда особо не едут. А по ТВ показывают не опыт наших соотечественников, которые переселяются, а других, чаще иностранцев – голландцев, швейцарцев, индийцев и др. Мы много говорим о китайском опыте. Так вот, за 2008 год построено в России 453 километра дорог с твердым покрытием, а Китай, к нашему сведению, построил 31 тыс. 600 километров. А железных дорог мы построили всего 73 километра. Здесь Олег Максимович очень хорошо рассказывал о резервах, например, транспортном коридоре от Бреста до Владивостока. Названная выше цифра в 73 км достаточно показательна, когда мы говорим о реальных результатах строительства железных дорог и деятельности такой монополии, как РЖД.

Несколько слов о наших установках. Сегодня молодежь мечтает стать депутатом, чиновником. Два года назад хотели стать оли-

гархом. Сейчас «олигарх» – немодное слово, потому что сами олигархи несколько в опале в условиях кризиса... А кто же хочет стать предпринимателем, кто хочет что-нибудь создать свое сам, а кто хочет произвести что-нибудь в стране, а не только потреблять, к примеру, бюджетные средства? И эта тема пока остается за кадром. Она фактически уходит. Этой темы нет. Ее нет и крайне мало, в том числе на наших дискуссиях. Возьмите последний круглый стол в ВЭО, когда выступал экс-министр финансов Израиля. Всем интересно: как и за счет чего Израиль без ресурсов – ни пашни, ни леса, ни нефти, ни газа – построил современную экономику, как страна своей продуктивной политикой, стремлением жителей, предприимчивостью, разворотливостью, еще какими-то качествами создала такую экономику? Что этому способствовало? Прежде всего труд всего населения.

К сожалению, у нас иначе. Все чаще я себя ловлю на мысли, что успехи нашей элиты, успехи нашей власти не зависят от благосостояния страны. И интересы многих в экономической и политической элите – в федеральной и региональной – расходятся с глубинными интересами страны. Посмотрите, что происходит сейчас в регионах. Кризис используется как возможность новых, по сути дела, рейдерских захватов в регионах. Случаи не единичны.

Всем очевидна ненормальность ситуации в сельском хозяйстве. Во многом сегодня аграрные вузы работают неэффективно, например, с точки зрения трудоустройства своих выпускников на селе. Не сформирована должная система мотивации и интересов. И вообще следует сказать, что система социально-психологической мотивации не только в вузах, но и в отраслях экономики, прежде всего производственной сферы, требует изменений.

Чувствуется, что идет какое-то брожение, понимание ситуации все-таки есть. Оно, конечно, еще очень, я бы сказал, слабое, в зачаточном состоянии... Это касается и подходов к инновационной экономике. И здесь один пример, но достаточно показательный. Он касается использования достижений и новых разработок. Я хотел бы упомянуть о том, как наши восточные соседи – китайцы – работают на зарубежных выставках, например в Ганновере. У них все идет в дело. Собираются все материалы, фотографируются все

стенды и образцы, а уж затем они решают, куда и как это можно использовать. Результат во многом очевиден. Бурное использование новых технологий в последние годы – особенность китайской экономики.

Не без горечи отмечу, что у нас пока во многом иначе. Считаю, что мы ничего не сможем сделать эффективного по выходу из кризиса, если будем крутиться по замкнутому кругу: отсутствие оборотных средств – высокие ставки кредитов – растущее банкротство предприятий – безработица работников – социальные проблемы. Все это требует радикальных управленческих решений, во многом кардинальных мер. Ситуация очень сложная, и наш кризис очень глубок и многолик, нежели чем на Западе. Мы все нагляднее видим и неэффективность управленческой деятельности на местах. Шаги по изменению положения делаются, но они очень медленные.

Я хочу сказать, что этот круглый стол очень нужен и важен. Состоялась очень полезная дискуссия, серьезный и плодотворный разговор.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Г.Х. ПОПОВ,

Президент Международного Союза экономистов,

Президент ВЭО России, д.э.н., профессор

Уважаемые коллеги! Всем, кто хотел выступить, возможность была предоставлена. Поэтому, с вашего позволения, я хочу сделать заключительные замечания.

Я понимаю, что по этой проблеме можно говорить очень долго и очень много. Поэтому я хотел бы выделить главное.

Первая проблема – **государство**. Какую роль в нынешнем кризисе должно выполнить государство?

Совершенно очевидно для всех нас, что недостаточная активность государства – отрицательный фактор. Абсолютная активность государства – не менее отрицательный фактор – это госбюрократический социализм.

Значит, нужно **найти меру** в этой области.

Это исключительно сложная и исключительно трудная задача. Почему? Потому что, как мы тут правильно говорили, раньше в советской системе главной болезнью в государстве была бюрократизация. Сегодня главная болезнь в государстве – это коррумпированность.

Коррумпированность по самым различным формам и линиям. Тут я готовил материал по Гоголю в связи с юбилеем и перечитывал письмо Белинского. Там есть замечательная фраза о том, что такое наше государство. «Это не власть. Это корпорации воров и взяточников».

Говорят: монополизм в нашей экономике, бороться с монополизмом. Да не было бы и следа монополизма, если бы не одно обстоятельство. За каждым нашим монополистом стоит крупный государственный деятель – прямо или косвенно, через жену или через брата. И держит контрольный пакет. Назовите мне монополиста, за которым бы не было государственного деятеля? Дерипаска... Кто

за ним стоит? Это все знают. Семья Ельцина. И я не буду продолжать дальше, вы прекрасно знаете, кто за каждым монополистом.

Никакие антитрестовские законы, о которых говорил мой друг Николай Петрович Шмелев, у нас не сработают. Не сработают, пока мы не поймем, что нам надо бороться не просто с монополистом, а с монополистом, занимающим важнейшие позиции в системе государственной власти.

Никакие программы борьбы с коррупцией не сработают, пока мы не поймем, что коррупция – это составной элемент оплаты всей нашей государственной власти, форма ее существования, больше того – смысл, ради которого идут в эту власть.

Вот Олег Максимович говорил, что двадцать лет назад молодежь писала, что хочет быть валютными проститутками и бандитами, а сейчас они хотят быть государственными чиновниками и депутатами. А по существу одно и то же: и тогда, и сейчас они хотят собой торговать и на этом зарабатывать. Только там они хотели в роли валютных проституток и бандитов, а сейчас нашли более легальную, красивую и, главное, защищенную форму – стать государственным чиновником, пойти во власть.

Вторая проблема – **чистка нашего бизнеса**.

Совершенно правильно, что наш бизнес в своей основной части не готов к конструктивной работе. Ему нельзя давать деньги не потому, что он их уворует. Даже с самым добрым намерением он совершенно не умеет работать. Нужна серьезная чистка бизнеса.

Я против, категорически против каких-то пересмотров итогов приватизации, каких-то комиссий, проверок. Это у нас выльется в очередные поборы и взятки. Наши чиновники немедленно начнут кого-то проверять. Для того, кто даст большой откат, окажется, что он правильно приватизирован, а тот, кто не дал нужного отката, окажется – он неправильно приватизирован.

Есть только **один объективный механизм – это механизм открытой честной конкуренции**. Гласной.

Будет конкуренция – в этой конкуренции отсеются неэффективные собственники и закрепятся эффективные. Вот и все, что требуется.

Но для этого нужно отстранить от чистки бизнеса власть.

Надо отстранить власть и от большинства дел в экономике. Надо разбираться, где и на каких участках надо сохранить власть, а где и на каких участках от нее надо избавиться.

Следующая важнейшая наша проблема – **собес**.

Понимаете, от Советского Союза осталась забота о каждом гражданине. Бедный и несчастный труженик – наш главный гражданин. Как пелось – «отстающий ученик».

Буржуазное общество в борьбе с советской системой тоже внедрило собес. Они тоже там всем помогают.

Я с вами полностью согласен, Алексей Аполлинарьевич – помогать нужно. Но нужно помогать больным, инвалидам. А когда начинается помощь просто человеку, то первое, что он делает, – **он перестает учиться**. Ему не надо учиться. Зачем ему учиться, если он будет при нашем собесе жить нормально? Я помню, как смеялся мой товарищ в донской станице: «О! Ты еще будешь десять лет учиться, а я уже завтра начну зарабатывать две тысячи в месяц (тогда еще тысячи были). А ты, может быть, через 10 лет сможешь добраться до этих двух тысяч».

Другой итог собеса – **нежелание напряженно работать** и тем более искать и рисковать.

Собес надо пресечь везде. В том числе, к сожалению, и в образовании. Все заявления о том, что сейчас хотят делать для образования – абсолютно антиинтеллектуальные. Что значит сделать образование доступным? Зачем его делать доступным? Образование должно быть доступным для способных людей. А если ты не способен – иди работай. И чем раньше ты пойдешь работать, тем лучше для общества и для себя.

Советская власть наплодила десятки миллионов людей с высшим образованием, готовых только к одному – к демонстрациям на улицах, протестам и т.д. Работать не умеют. Претензии есть. «Образованцы», как когда-то правильно и точно сказал Солженицын по поводу всего этого нашего образования.

Образование надо сделать элитным. Образование должны получать люди, которые хотят и могут учиться. Надо – кредит получи. Разумеется – льготный.

А то мне говорят, что вот, платное образование отсекло кого-то. А я говорю: «А вы посчитали, кого отсекло?» Ну, скажите мне, сколько людей отсекло и что это за люди? Я уверен, что на две трети это те, кто не прошел по конкурсу в государственные вузы. Значит, кого отсекали? Неспособных. Зачем же им открывать образование? Их надо в другие сферы направлять.

Образование – это не место, где надо молодым людям отсиживаться, чтобы не идти в армию, в тюрьму, не болтаться на танцплощадках. Вот левые правительства Греции понапринимали в университеты всех желающих – а теперь неделями полиция сражается с ними на улицах Афин. Образование должно быть местом, где должна расти интеллектуальная элита страны. В нем должен быть климат соответствующий.

Здесь нужны очень серьезные меры. Я считаю, что пусть у нас будет всего 100 вузов, но пусть в этих вузах будет такая стипендия, на которую талантливый человек может целиком и полностью жить, обеспеченно жить, как жил раньше русский студент за государственный кошт.

Я считаю, пусть у нас останется всего 100 НИИ. Но пусть зарплата в этих НИИ будет такая, чтобы человек ни в какую страну не рвался. Вот перед нами портрет основательницы нашего ВЭО Екатерины Великой. Что сделала она? Она установила такую оплату в Академии наук, что всякий крупный ученый рвался в Россию. Эйлер, великий Эйлер, бросил Запад и приехал в Россию работать. Почему? Потому что здесь все условия были созданы. Вот по этому пути надо идти.

Я говорил о том, что нужен **инновационный прорыв**. Я условно сказал нанотехнологии. Здесь все вцепились в это слово. Я не являюсь примитивным в понимании нанотехнологий, тем более не в понимании господина Иванова, нашего вице-премьера. Потому что при его подходе мы уже имеем систему «Глонасс», которая давно должна была обслуживать все наши автомобили в стране. Теперь мы и с его нанотехнологиями будем иметь тот же результат.

Я вспоминаю совнархозы. Это было, по-моему, в 1961 году. Распинался начальник технического управления на заседании сов-

нархоза и кричал: «Где эти транзисторы? Покажите мне хотя бы один транзистор». Прошло 10 лет, оказалось, что мы в глубокой дыре, что наш самолет ТУ-144 летать не может, потому что компьютерной системы на транзисторах нет, а компьютерная система на лампочках тряски самолета не выдерживает. Вот я и вспоминаю этого начальника сейчас, когда мне говорят: «Покажите мне нанотехнологии».

В этой связи, Владимир Михайлович, я хотел опять вспомнить старые времена. Вот вы говорите: у нас техника есть отличная, вот Бразилия покупает технику у нас, кто-то еще покупает технику и т.д. Что я хочу сказать? Я помню, Щадов – был такой министр угольной промышленности – говорил: «Вот Гавриил Харитонович распинается, что у нас плохо, а у нас китайцы системы вырубки угля покупают». Ну я, естественно, заинтересовался. Выяснил: покупают потому, что нет серьезной техники безопасности на нашей системе. Поэтому она вдвое дешевле, чем американская. А китайцам плевать, сколько у них гибнет – у них самая высокая смертность в забоях. Поэтому мне кажется, надо посмотреть, кто и какой спрос и на какую нашу технику предъявляет за рубежом. Если они предъявляют спрос на ту нашу технику, при которой дешевая рабочая сила используется, – это вчерашнего дня техника.

Есть один показатель – посмотрите на войну. Кто кого сбивает – это показатель. Вот здесь мы можем ответить, что эффективно. Потому что когда в Афганистан пошли, в течение трех месяцев выяснилось, что самая мощная армия в мире с афганскими пастухами воевать не может, потому что у них стрингеры.

Есть самолеты эффективные – давайте поддержим. Я же не против. Я просто пока не видел ни одного эффективного самолета. Я уже 20 лет слышу о том, что у нас будет эффективный пассажирский самолет – нет его. Вот сейчас сняли несчастного Окулова. Но ведь благодаря Окулову наш «Аэрофлот» имеет современные «Боинги». А то бы мы и сейчас бултыхались – наши самолеты ведь не пускают в европейские аэропорты. Шумят о суперджете – но ведь это не наш самолет. Там от нас – фюзеляж. Зачем врут?

Вообще-то я думаю, что для нашей страны внутри нужны не самолеты и даже не вертолеты, а в первую очередь нам нужны ди-

рижабли – дешевое, эффективное, элементарное средство, на котором можно спокойно организовать перевозки без всяких дорог, даже без аэродромов.

Я еще раз повторяю: я за то, чтобы разобраться во всех инновациях. Слово «нано» для меня только символ.

Еще одна проблема, о которой приходится говорить, – это об **отечественном**. Дмитрий Борисович хорошо сказал: «Что вы под отечественным понимаете – современные отрасли или вы понимаете производство лаптей?». Говорят, надо поддерживать отрасли, в которых заняты сотни тысяч людей. Это – не критерий. Если отсталые отрасли – значит, не надо их поддерживать.

Поддержать надо то, что действительно прогрессивно. Если есть такие отрасли в пищевой, в добывающей, в легкой – давайте поддержим. Но только в случае, если они будут соответствовать современному мировому уровню производительности труда. А если они не соответствуют, то зачем поддерживать? Вчерашний день поддерживать?

И еще об отечественном. Вот говорят, иностранцев к нам не пускать. Простите, а кем были русские на Урале и в Сибири? Они что, были отечественными или коренными в этих зарослях? Они были иностранцами. Но они были иностранцами, которые принесли на эти территории прогрессивные системы жизни, организации и т.д. Если иностранцы к нам приносят прогресс, то опыт России показал, что они нужны. И что интересно – они очень быстро русифицируются. Посмотрите на эти портреты вокруг – сколько среди них иностранцев! А все они стали русскими патриотами. Потому что наша страна обладает особенностью: она превращает в патриота того, кто по-настоящему втягивается в дело, готов в это дело силы вкладывать и т.д., и т.п.

И последний вопрос, о котором я хочу сказать. Относительно **реальности**. Мой друг Евгений Максимович говорит: «То, что предлагает Гавриил, этого и через 100 лет не будет». В 1989 году, когда он был председателем Совета Союза СССР, он мне тоже говорил: «Все, что ты говоришь, – верно, но это фантазии». Через два года вылетели в трубу и Советский Союз, и Совет Союза. Через два года! Я не стал бы ему это напоминать, если бы

он теперь мне тоже не говорил, что через сто лет это будет. Может быть, через 100 лет. А может быть, и гораздо раньше. Потому что жизнь заставляет.

Говорят, против моего варианта мировой глобализации будут возражать США. Конечно, будут. Но смотря кто в США. В США тоже есть дальновидные люди, которые тоже понимают, что им нужно. Если они сейчас начнут правильную глобализацию, они получают ведущие посты и еще очень многое. Эта страна с самой высокой производительностью труда, мировым опытом. Если через 20 лет они решатся на мировое правительство – неизвестно, что достанется и США, и нам.

Вот говорят: «Захочет ли Бразилия?» А зачем нам считаться, чего она хочет, Бразилия? Что нам ждать пять лет, когда у Бразилии атомная бомба будет? Тогда уж тем более к ней невозможно будет подступиться. Может, еще десять лет подождать, когда у нее будет межконтинентальная ракета для этой атомной бомбы?

Нечего считаться ни с кем. Надо решительно давить. С американцами надо договариваться. С Европой надо делиться. А где надо – надавить.

Надо понимать, что постепенно, мирным путем в будущее не пройти. А если пройти этим постепенным, мирным путем, то в том будущем вряд ли будет приемлемое место для России.

Я понимаю, что глобализация – это выход за пределы национально-территориальные, за пределы государственно-территориальные. Но я думаю, что настоящий патриотизм состоит в сохранении ядра нации. Нация – это прежде всего культура. Мы знаем, ушла, давно исчезла античность – а ее культура осталась с нами. Лишился территории еврейский народ, оказался разбросанным по всему миру – но культура сохранилась. Если нации сохраняют свою культуру, если будет конкуренция национальных культур, то я считаю, что есть база для сохранения существа нации.

Территория – не главное. Территория первичного нашего русского народа была расположена в бассейне Днепра и Припяти. Уже Ока и Волга были территориями совсем других народов. Я уж не говорю об Урале и Сибири. Я в таких дискуссиях говорю: «А вы переведите мне на русский язык слово «Москва». Или «Волга».

А на финском языке эти слова переводятся. Переведите мне слово «Урал», переведите слово «Сибирь» – если вы такие большие патриоты.

Будущее русской нации, ее спасение – в развитии ее культуры, интеллекта, в превращении русского народа в народ интеллектуалов.

В завершение я хочу сказать, что проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, – исключительно сложные. Было бы самонадеянно думать, что мы можем что-то решить кавалерийским наскоком. Надо создавать интеллектуальный климат, в котором мы сможем рождать идеи, обкатывать их, перерабатывать, выслушивать аргументы, выставлять контраргументы, снова выслушивать контраргументы. Если этот климат будет создан, мы сможем двинуться вперед.

Я согласен, что речь идет о создании совершенно новой цивилизации. Такой задачи перед человечеством уже 1,5–2 тысячи лет не стояло. Это совершенно новая задача, в новой обстановке. И действительно надо по-новому думать, по-новому работать.

В заключение я бы попросил всех выступающих просмотреть стенограмму – мы обязательно все опубликуем. Мы сделаем съемку, будет и DVD. Мы направим все нашему российскому начальству, хотя я должен сказать, что все предыдущие попытки осчастливить наше начальство нашими теоретическими изысканиями имели совершенно одинаковый результат – нас даже вообще вычеркнули из списка организаций, которые должны войти в Общественную палату России, мы оказались неподходящими для этой выдающейся общественной кремлевской организации. Правда, не одни мы.

Как хорошо известно, советская власть ВЭО не любила и запретила его деятельность почти на шестьдесят лет. Но при первых же шагах реальной демократизации при Горбачеве нашему обществу выделили одно депутатское место в парламенте страны и – после выборов в ВЭО – я это место, как известно, занимал. А вот при нынешней демократизации Кремль всем общественным организациям не нашел места в парламенте, а «сомнительным» вроде ВЭО – даже в Общественной палате. Ну, как говорит Левша у Лескова:

«Этот снег на голову нам знаком». Мы – ученые, а не придворные повара от идеологии и бегать с рецептами по начальству не будем. Напротив, будет умное руководство – само к нам обратится.

Надо будет, Виктор Наумович, или все перевести, или сделать хорошее резюме на английском языке для наших представителей в Организации Объединенных Наций. Возможно, что там найдется больше потребителей, чем в отечественной среде. Иногда товар находит спрос за границей раньше, чем в Отечестве. Потом его начинают ценить и дома. Спасибо за внимание.

В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ,

*генеральный директор Международного Союза экономистов,
Первый вице-президент ВЭО России, академик РАЕН, профессор*

Гавриил Харитонович правильно сказал, глядя на портреты президентов ВЭО России, что почти половина из них иностранцы. Несмотря на это, Екатерина Великая, создавая общество, думала сначала назвать общество не экономическим, а патриотическим, но затем слово «патриотическое» убрала, решив, что экономическое будет правильнее, потому что люди, думающие о развитии страны, ее экономики, и есть настоящие патриоты.

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том сто двенадцатый
(в совместном издании с Международным Союзом экономистов –
том двадцать седьмой)

Москва – Санкт-Петербург, 2009

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом
России – 125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Над выпуском работали:

А.В. Яшина
Е.В. Стрелкова
Е.В. Беляева

Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № 77-3786 от 20.06.2000
Лицензия на издательскую деятельность – ИД № 01775 от 11.05.2000
Подписной индекс – 10920 в Каталоге российской прессы «Почта России»
Подписной индекс – 64550 в Каталоге ОАО «Агентство «Роспечать»

© Вольное экономическое общество России, 2009

© Международный Союз экономистов, 2009

ISBN 978-5-94160-093-9

ISSN 2072-2060